

Князь Н. Д. Жевахов

ВОСПОМИНАНИЯ

Королевство С.Х.С.
1927 год

ВОСПОМИНАНИЯ

Товарища Обер-Прокурора Св. Синода
КНЯЗЯ Н.Д. ЖЕВАХОВА

ВТОРОЙ ТОМ

Март 1917 г. — Январь 1920 г.

«Когда суды Твои совершаются на земле,
тогда живущие научаются правде.»

(Исаи, 26, 9)

Ниже мы публикуем отрывки из «Воспоминаний» Товарища
Обер-Прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова (главы 26 —
39), увидевшие свет в издательстве Новый Сад в королевстве
Сербов, Хорватов и Словенцев в 1928 году всего в нескольких
сотнях экземпляров.

Развал России

Выброшенный за борт государственной жизни, находясь не у дел, в положении «старорежимного» чиновника, какие с приходом «новой» власти не только перестали быть ей нужными, но и жестоко преследовались и предавались казни, я мог только утрачено, со стороны, наблюдать картину развала России.

Что же происходило там, «на верхах», чем был занят правительственный аппарат, куда вели Россию ее «иовые» вожжи?!

Происходило завоевание русского народа жидовством, впереди стояли гонения на Православную Церковь, расхищение несметных богатств России, поголовное истребление христианского населения, мучения, пытки, казни, воскресали давно забытые страсти истории, о которых помнили только особо отмеченные Богом люди, выделявшиеся своей мудростью даже среди глубоких ученых... Предупреждали о наступлении этого момента Преп. Серафим Саровский, Илиодор Глинский, Иоани Кройштадский и мудрецы-миряне, один перечень имен которых мог бы составить целую книгу, но им никто не верил... Голоса их заглушались жидовской печатью и той «интеллигенцией», которая сознательно и бессознательно служила жидам, и без помощи которой были бы немыслимы никакие революции, всегда имевшие одинаковую цель и одинаковые задачи, сводившиеся к уничтожению христианства, его цивилизации и культуры, и к мировому господству жидов.

И, когда наступил этот давно предвещенный момент, то его не только не угадали, а, наоборот, думали, что «иовыми» людьми строятся «новая» Россия, создаются «иовые» идеалы, указываются «иовые» пути к достижению «иовых» целей... Везде и повсюду только и были слышны «иовые» слова, люди стали говорить на «иовом», непонятном языке, и с тем большим изуверством и ожесточением уничтожали все «старое», чем больше стремились к этому «иовому», с коим связывали представление о земном рае.

В действительности же происходило возвращение к такому седому, покрытому вековой пылью старому, о котором, как я уже сказал, помнили только «пророки», происходила не «классовая» борьба, или борьба «труда с капиталом», торжествовали не эти глупые, рассчитанные на невежество масс лозунги, а была самая настоящая, цинично откровенная борьба жидовства с христианством, одна из тех старых попыток завоевания мира

жидами, какая черпала свои корни в древне-языческой философии халдейских мудрецов и началась еще задолго до пришествия Христа Спасителя на землю, повторяясь в истории бесчисленное количество раз одинаковыми средствами и приемами.

Ни для верующих христиан, привыкших с доверием относиться к слову Божию, ни для честных ученых, видевших в достижениях науки откровение Божие, не было *ничего нового* в этих попытках жидов уничтожить христианство и завоевать мир, и только безверие с одной стороны и глубокое невежество с другой, не позволяли одураченным людям видеть в происходящем отражения давно забытых страниц истории.

Соединенными усилиями евреев всего мира, имевших в лице новой русской власти, возглавляемой Лениным и Троцким, свой генеральный штаб, слепо выполнявший директивы «Незримого Правительства», снабжающего его колоссальными средствами, осуществлялись веления еврейского бога, известные каждому мало мальски знакомому с требованиями религии евреев, изложенными в их Талмуде.

Было бы неверно, если бы я сказал, что в России в момент встречи с катастрофой было много людей, отдававших себе ясный отчет в том, что происходило. Катастрофа обрушилась так внезапно, так стремительно, размеры ее были так велики, а корни так глубоко запряпаны, что все точно переоценили, застыв от ужаса, но никто ничего не понимал.

Это не значит, что в России не было глубоких людей, или что все в равной мере были одурачены вождями революции и верили той лжи, которая скрывалась за их лозунгами. Наоборот, Россия была всегда богата своими пророками и мудрецами, прозревавшими далекое будущее, была даже подготовлена к встрече с теми ужасами, какие на нее обрушились, и, если, при всем том, катастрофа застигла Россию врасплох, то столько же потому, что мудрецам мало кто верил, сколько и потому, что даже эти последние не допускали тех зверских форм, в каких революция стала выливаться.

И в самом деле, кто мог поверить тем мудрецам, чьи откровения производили впечатление сказок не только на русских людей *до революции*, но кажутся сказками всему миру и до сих пор, спустя почти 10 лет, после того, как эти «сказки» превратились в России в самую ужасную действительность, явившую, при том, всему человечеству величайшие откровения, способности, казалось бы, открыть глаза даже слепому?

Для того, чтобы поверить этим сказкам, нужны были или великие знания или великая вера в авторитет, но в народной толпе ни того, ни другого обыкновенно не бывает. Толпе непонятно лишь то, что не выходить за пределы ее уровня, но истинный — всегда

выше этого уровня и, потому, всегда непонятен^{*)}).

О чем же предостерегали русские мудрецы Россию, а вместе с ней и весь мир, какие «сказки» они рассказывали?

Они говорили, что с момента сотворения мира, злые духи, воплощаясь в людях, стремились погубить вселенную, ибо в этом заключалась задача пославшего их дьявола, что еще в доисторические времена не просвещенные светом знания язычники, по присущей им потребности поклоняться Богу, имели своих национальных богов, отличавшихся своими особыми свойствами, враждовавших между собой, конкурировавших друг с другом из-за обладания народами, что между этими национальными богами самым хищным и зверским был бог еврейский Яхве, бог-ревнитель, не удовлетворявшийся скромною ролью бога евреев, а именовавший себя богом и претендовавший на мировое господство, что за этим еврейским богом скрывался не один из подчиненных злых духов, а сам дьявол, который и называл евреев своим избранным народом и наделил их своими сатанинскими свойствами, повелевший им истреблять всех не-евреев, чтобы овладеть всем миром и передавший жидам ту власть, какую он обещал передать каждому, кто ему поклонится (Лук. 4, 5-8).

Но Господь Бог, по Своему неизреченному милосердию и любви к людям, послал на землю самого высшего доброго духа, Единородного Сына Своего, Сущего в недре Отчем, Который воплотился в Иисусе, чтобы возвестить людям Истину и «разрушить дело дьявола» (1. Иоан. 3,8). Вот почему Слово Божье и раздалось впервые среди евреев, этого закоренелого в богоотступничестве народа, служившего источником мирового зла и заразою для других народов. Спаситель смело разоблачил еврейского бога, назвав его дьяволом, а евреев — его детьми: «Ваш отец дьявол и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца^{**)} от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Иоан. 8, 44). Все человечество последовало за Иисусом, Спасителем мира от еврейской лжи, кроме евреев, оставшихся верными своему богу-дьяволу, с упорством и настойчивостью преследующему свою предмирную цель — погубить род человеческий с помощью своего избранного народа-евреев. Здесь источник мирового зла, всех когда либо бывших мировых катастроф и потрясений, всех революций, являющихся лишь массовыми ритуальными убийствами христианских народов. Они требовались столько же политическими, сколько и

^{*)} Здесь психологические обоснования абсолютизма власти.

^{**)} В 1-ом Послании Иоанна Богослова поясняется: «Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца» (3, 15).

религиозными целями, ибо по учению Талмуда пролитая христианская кровь омывает душу еврея и очищает ее от всякой скверны. Вся история человечества является историей вековой борьбы еврейства с Господом Иисусом Христом и возведенным Им учением, на котором мир строил свою цивилизацию и культуру и которую евреи разрушали, чтобы на ее развалинах восстановить свое Иудейское царство, обнимавшее бы пределы всей вселенной.

«Большевичество» — это не революция даже в еврейском смысле этого слова, это — веками дознанный, опытно проверенный, наилучший способ физического и духовного обескровления человечества, массовое ритуальное убийство в мировом масштабе, открытый международный натиск жидовства на христианство.

Вот какие «сказки» рассказывали русские мудрецы!

Но кто же им верил? Кто верит им теперь, и где тот христианский народ, который увидел бы на примере России угрозу собственному бытию?

Совершенно понятно, что в первые моменты происходящее оценивалось даже не как революция, а как заурядный солдатский бунт, другие видели в нем повторение беспорядков 1905 года, быстро подавленных, а те, кто шел дальше и видел перед собой подлинную революцию, те вкладывали в это понятие совершенно иное содержание и менее всего допускали наличность каких-либо религиозных изуверных целей.

Самые сильные умы России оценивали ужасы происходящего только с точки зрения крушения старого, обеспечивающего благо народа, царского уклада государственной жизни, серьезно обсуждали те или иные декреты и распоряжения узурпаторов власти, многоликие и противоречивые, спаянные между собой глубоко сокрытой ложью, непонятные и бессмысленные, оценивали их с государственной точки зрения и предрекали катастрофы, делились сомнениями и недоумениями, но никто из них даже не догадывался о том, что здесь выполнялась вековая программа жидов, сводившаяся частью к поголовному истреблению, частью к порабощению христианского населения сначала в России, а затем во всем мире, во исполнение прямых повелений еврейского бога, обещавшего своему избранному народу мировое господство.

Тем меньше можно было предъявлять какие-либо требования в этой области к народным массам, кричавшим о «новой» России и с непостижимой яростью уничтожавшим все «старое», все устои государственного и русского быта, все то, на чем держались и благо народа и глубина и красота русской жизни.

Но мог ли я осуждать эту толпу, завлеченную в западню, обманутую и ослепленную, для которой все «старое» стало казаться источником всяческих бед и напастей, а «новое»

рисовалось как осуществленная мечта о земном рае, могли я осуждать эту толпу, если так думали и те глупые вожди ее, которые являлись бессознательными орудиями еврейских главарей и выполняли их задания? Разве сам сотворный балаганный клоун Керенский желал зла России? Нисколько! Все его речи пылали такой «любовью» к России, какую, по его мнению, никто, кроме него, не имел и иметь не мог. Разве он сознавал, что единственным реальным плодом его любви к России явится лишь иллюстрация собственной персони мудрости народной поговорки: «услужливый дурак опаснее врага» и что наученная примером Керенского будущая Россия станет держать подобных маньяков взаперти, на привязи или в доме умалишенных? И разве только один Керенский или «Временное правительство» России выполняли еврейские задания и, во имя «блага» народа, распинали этот же народ? А Милюков, Гучков и К°?!.. Разве они думали, что одержимы дьяволом, разве знали, что являлись игрушкой в его руках, служили и служат ему, покрыв позором свои собственные имена и стяжав себе не только бесславие, но и проклятие потомства, вместо той возжеленной славы, за которую так судорожно цеплялись и к которой так жадно стремились? Разве не то же видим мы и в Западной Европе, где передовые правительства продолжают, несмотря на опыт России, осуществлять вековые жидовские цели в полном убеждении, что служат благу своим народам, тогда как на самом деле ведут их на виселицу, в «чека», во славу жидовского бога Яхве?!

На пути к осуществлению этих целей в мировом масштабе Россия явилась только первым этапом, быть может и в этой области осуществляя свою великую духовную миссию в отношении всех прочих христианских народов, для которых она была всегда верным Другом и Защитником...

Не виновата она, если ей не верили, не будет виновата и теперь, если ее пример ничему не научит Европу, если никто не послушается ее предостерегающего Гласа, истину которого она засвидетельствовала своей собственной кровью. И как ни велики страдания России, но лучшим утешением для нее явится сознание, что эти страдания не только раскрыли ей самой сущность причин их вызвавших, но и дали ей возможность предостеречь все христианские народы от той опасности, жертвою которых она сделалась.

Трудно описать эти страдания, еще труднее раскрыть их источник, но движимый этой единственной целью, я считаю полезным и то немногое, что могу сказать, выполняя свой нравственный долг к ближнему.

Задачи Русской революции

Задача революции 1917 года заключалась в уничтожении России и образовании на ее территории жидовского царства, как опорного пункта для последующего завоевания, путем мировой революции, западно-европейских христианских государств. Так как эту цель нужно было на первых порах маскировать, впредь до закрепления своих позиций, чтобы не вооружать против себя русский народ, то неудивительно, что не только народные массы, но и образованный класс не уяснял себе происходящего и не догадывался, что каждый «правительственный» шаг, каждый декрет и распоряжение узурпаторов власти имели в виду развалить Россию в наикратчайший срок. Но то, чего не могли открыть ни знание, ни воображение, то открыло само время, обнажавшее не только сущность происходящего, но и самый источник ее. Программа развала России разыгрывалась как по нотам. Сначала мобилизация преступников, с их штабом — Государственной Думой, которая должна была выдавать революционные вождя своим членам за подлинный голос народа и, дискредитируя Царя и министров, парализовать государственную деятельность правительства. Затем штурм правительства и свержение Царского Трона, образование из глупых честолюбцев и сознательных масонов нового, так называемого «Временного правительства» и рядом с ним специального контрольного аппарата в виде «Совета солдатских и рабочих депутатов», с Лейбой Бронштейном во главе, затем еще шаг вперед — отчаянная борьба между ними, победа Бронштейна, упразднение Думы и «Временного правительства», сыгравших свою роль и переставших быть нужными жидам, в заключение, predetermined заранее к разгону «Учредительное Собрание» в Москве, после чего несчастная Россия уже окончательно попадает в руки жестокого жидовского племени на срок, уготованный Богом. Все это были этапы давно намеченного пути, выполнение давно задуманных и тщательно разработанных программ, сводившихся к одной цели — *истреблению русского народа*.

К концу 1917 года, все эти программы были уже окончательно выполнены и по всей России царил неопиcуемый террор, посредством которого новая власть закрепляла позиции, завоеванные глупостью, изменой и предательством вожаков русского народа.

Вся Россия буквально заливалась потоками христианской крови, не было пощады ни женщинам, ни старцам, ни юношам, ни младенцам. Изумлением были охвачены даже идейные творцы революции, не ожидавшие, что их работа даст в результате такие моря крови. Не удивлялись только те, кто помнил § 15 «Спонских Протоколов», где говорится: «Когда мы, наконец, окончательно воцаримся при помощи государственных переворотов, всюду подготовленных..., мы постараемся, чтобы против нас уже не было заговоров. Для этого мы немилосердно казним всех, кто встретит наше воцарение с оружием в руках...» (Луч Света, №3, стр. 255).

Однако и здесь жида не могли обойтись без обмана и применяли казни не только к вооруженным, но и ко всем, даже к младенцам, ибо террор являлся не способом их самозащиты от врагов, а единственным основанием их власти, без которого она не могла держаться, одним из главнейших ее устоев, о котором говорит «Протокол» № 9, указывая на «терроризирующий маневр, от которого дрогнут самые храбрые души», (там-же, стр. 239), а этот маневр применялся, как известно из Библии и истории, не только к врагам, но даже к братьям, и вообще ко всякому *инакомыслящему*. (Исх. гл. 32, 27-28).

Развал России явил такую грандиозную картину разрушения во всех областях государственной, общественной и личной жизни, что потребуются не только томы для описания этой картины, но и великий талант, способный передать потомству весь ужас пережитого и отчасти и до сих пор переживаемого времени.

Придет время, когда правдиво написанная «История русской революции» сделается настольной книгой для каждого честно мыслящего христианина, как грозное предостережение грядущим поколениям, как свидетельство поправных гордым человеком законов Божьих, как страшный результат протравления воле Божьей. Наша же задача, современников революции, заключается в собирании для такой истории, в облегчении труда будущим историкам, каждый из нас оценит значение такого труда и по мере своих сил и возможностей сохранить те сведения, кои он располагает, дабы впоследствии использовать их для указанной выше цели. Только при общей дружной работе возможно будет передать потомству исчерпывающий материал для «Истории революции», ибо, как бы ни были важны отрывочные сведения, которыми располагает каждый из нас в отдельности, они всегда будут неполными и недостаточными.

Повинуясь этому требованию, я хочу сделать попытку внести и свою долю в общую массу материала для будущей истории революции 1917 года.

С великим смущением я приступаю к этой задаче.

Как использовать этот материал, который принадлежит только моей памяти и лишь частично содержится в отрывочных сведениях, почерпнутых из частных писем и газетных вырезок за краткий период времени?

Как систематизировать этот ужасный материал и внушить доверие к нему, сделать авторитетным в глазах не только не испытывавших этих ужасов, но и никогда не слышавших о них и, потому, отвергающих самую возможность их?

Где тот великий талант, который был бы способен изобразить ощущения людей, спасающихся бегством из опасения быть съеденными голодными, кто в состоянии описать муки голода, заставляющая несчастных не только убивать и съедать своих собственных детей и питаться трупами, вырываема^{ми} из могил, но и жадно набрасываться на конский помет?

Какое перо способно отразить ощущения людей, вымаливающих у своих палачей смерть, избавившую бы их от невыносимых пыток и мучений, ищущих смерти и не находящих ее?

Задача действительно грандиозная, и между тем, даже учитывая свои слабые силы, я приступаю к ней, повинаясь голосу русской совести, ибо нравственный долг не соразмеряется с силами. Русский человек не найдет в нижеприводимых сведениях ничего нового, но то, что случилось в России должно быть известно всему миру, ибо *предназначено для всего мира*, обреченного на гибель теми самыми людьми, которые погубили Россию.

О гибели России знают все и этот факт не произвел никакого впечатления на Европу, объясняющую большевичество «натурою» русских людей... О том же какими способами истреблялся русский народ, Европа еще не знает. А знать это нужно, чтобы не быть застигнутой врасплох, ибо Россия — только первый этап этого кровавого шествия палачей, а вторым является западная Европа, в порядке очереди, установленной этими же палачами. Преступления Европы перед Россией так неизмеримы, до того велики, что только чудо милости Божией может ее спасти от участи России.

Но, если такого чуда не будет, тогда каждое слово русского, над которым теперь смеются, злорадствуют и проходят мимо без внимания, станет откровением, сделается словом Христа в притче о богатом и Лазаре...

Развал России совершился не сразу, а продолжается и до сих пор. Процесс разрушения еще не закончен и русский народ истребляется так же свирепо, как и 10 лет тому назад. Вот почему, рисуя общую картину развала России, я по необходимости должен отступать от хронологии и пользоваться также позднейшими сведениями.

Я уже неоднократно указывал на то, что *основной идеей*

поработителей России было истребление русского народа и ликвидация христианства для целей революции, обеспечившей бы евреям господство над всей вселенной, под владычеством иудейского царя. Теперь мне приходится только дозвать это положение ссылками на факты. Проверить эти факты не трудно во 1) потому, что сами евреи не отрицают их, во 2) потому, что о них свидетельствует как русская, так и иностранная печать, начиная с момента революции в России и кончая сегодняшним днем. Эти факты не только докажут сознательное истребление русского народа евреями, но откроют и цели, ради которых евреям нужно было принести в жертву русский народ... И тогда уже перестанет казаться наивным утверждение, что «Обетованную» землю евреи видели не в Палестине, а в России и что столицей всемирного иудейского царя считали не Иерусалим, а Москву. И правильно!.. Ибо, конечно, владеть Россией значит владеть всем миром, что доказывают нам не только Московские правители, но и Европа, ими запуганная и перед ними унижающаяся. И нужно было смирение и кротость русского народа и благородство русских Царей, чтобы не претендовать на такое владычество и, вместо того, чтобы покорять своих соседей силою — помогать им, выручать их из беды и спасать их.

С целью систематизации материала, я буду группировать его по отделам, отступая от хронологии там, где это потребуется для более яркого освещения приводимых мною иллюстраций.

ГЛАВА 28

Первые шаги

В газете «Старое время» за 1923-1924 годы печатались превосходные статьи Г. Мглинского под общим заглавием «Грехи русской интеллигенции», коими автор не только очертил общие контуры революционной стихии, но и с великим мастерством развернул отдельные ее картины. Я позволяю себе воспользоваться выдержками из этих статей, как введением к дальнейшему изложению. Г. Мглинский говорит:

«Понимая отсутствие реальной почвы под своими ногами за неимением тех слоев населения, на которые можно было бы опереться, новые правители попали сразу в зависимость от образовавшегося еще до отречения Государя Императора «Совета рабочих и солдатских депутатов», за которыми стояла распропагандированная той же русской интеллигенцией столичная рабочая

масса. Эта его зависимость сказывалась с первых же шагов его деятельности. Не сочувствуя по существу содержанию приказа № 1, разрушившего армию, и понимая всю его опасность, Временное Правительство, руками своего военного министра Гучкова, допустило однако осуществление этого преступного по отношению к родине приказа*).

Боясь реакции в русском народе, который, оно хорошо понимало, едва ли примирится с захватом власти кучкою политиканов, Временное Правительство с первых же шагов своей деятельности спешно старается разрушить государственно-административный аппарат. Взмахом пера уничтожается вся административная власть в России, губернаторы заменяются земскими деятелями, градоначальники — городскими, а полиция — милицией.

Но, как известно, разрушить всегда бывает легко, а создать очень трудно, — так и здесь, разрушив старый государственный аппарат, Временное Правительство не удосужилось, или вернее просто не сумело создать что-либо на его замену. Россия была сразу предоставлена самой себе и nepотизм был введен в качестве лозунга во все управление государством — и это в тот именно момент, когда сильная власть требовалась более всего.

*) Приводим текст этого приказа, как он напечатан «Изв. Московск. Сов. раб. деп.» от 4-го марта 1917 г.:

«Исполнительный Комитет Совета рабочих депутатов предложить военному штабу издать следующий приказ по войскам:

1) Во всех ротах, полках, батальонах, эскадронах, отдельных службах и разного рода военных управлениях, немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов; 2) Выбрать в Совет рабочих депутатов по одному представителю от роты или соответствующей ей по величине части; 3) Во всех своих политических выступлениях, воинские части подчиняются Совету раб. и солд. депутатов и своим комитетам. Приказы военных комиссаров Государственной Думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета раб. и солд. депутатов; 4) всякого рода оружие, как-то, винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и проч., должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованию; 5) в строю и при отправлении служебных обязанностей, солдаты должны соблюдать строжайшую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общественной, гражданской и частной жизни, ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане; в частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести, вне службы, отменяется; равным образом отменяется титулование офицеров высокопревосходительствами и благородиями и заменяется обращениями: г. генерал и т.д.; 6) грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов, в частности — обращение к ним на «ты», воспрещается. О всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов». Приказ заканчивается так: «настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, батареях и прочих строевых и нестроевых командах».

Когда к главе Временного Правительства кн. Львову приезжали представители старой и новой администрации и требовали директив, они неизменно получали тот же отказ, который кн. Львов дал представителям печати в своем интервью 7 марта, т.е. через пять дней всего после переворота: «Это — вопрос старой психологии. Временное Правительство сместило старых губернаторов и назначать никого не будет. На местах выберут. Такие вопросы должны разрешаться не из центра, а самим населением... Мы все бесконечно счастливы, что нам удалось дойти до этого великого момента, что мы можем творить новую жизнь народа — не для народа, а вместе с народом... Будущее принадлежит народу, выявившему в эти исторические дни свой гений. Какое великое счастье жить в эти великие дни!..»

Слова эти, звучащие сейчас чистой иронией, не выдуманы, они текстуально приведены на 67 странице первого тома «Истории второй русской революции», написанной не каким-либо «зубром» или «черносотенцем», а самим Павлом Милюковым, дающим далее на страницах своей истории следующую оценку деятельности главы правительства, в которое он сам вошел в качестве министра иностранных дел.

«Такое мировоззрение руководителя нашей внутренней политики, говорит Милюков, практически привело к систематическому бездействию его ведомства и к самоограничению власти одной задачей — санкционирования плодов того, что на языке революционной демократии называется революционным правотворчеством. Предоставленное самому себе и совершенно лишенное защиты со стороны представителей власти, население, по необходимости, должно было подчиниться управлению партийных организаций, которые приобрели в новых местных комитетах могучее средство влияния и пропаганды определенных идей, лстивших интересам и инстинктам масс, а потому и наиболее для них приемлемых.

Если об этом так говорит Милюков, сам принимавший участие в свержении Царской Власти в России, то что же было в действительности!.. «Не лучше обстояло дело и в других ведомствах. Всюду царила полная неразбериха, ибо ни у руководителей ведомств, ни у правительства в целом не было никакого определенного, систематически осуществляемого плана. Ломали все старое, ломали из призрачного страха возврата к старому, ломали не думая о завтрашнем дне, с какой-то безумной поспешностью, все то, о чем сейчас начинает сокрушаться весь русский народ... («Старое Время», 18/31 Декабря 1923 г., № 13).

«...Всего несколько месяцев, как известно, продержалось Временное Правительство у власти — это правительство,

составленное из красоты и гордости русской прогрессивной общественности. Сдавая постепенно позицию за позицию социалистам, русская общественность довела страну до большевизма: гораздо скорее, чем это ожидали самые задрямленные пессимисты того времени. За кратковременное свое существование Временное Правительство все же успело:

Попрасть всякую в стране свободу, всякое право и всякую справедливость.

Разрушить воинскую дисциплину и тем уничтожить совершенно всякую боеспособность в русской армии.

Нанести удар важнейшему устою общественной жизни — праву собственности. Словом, решительно все, ради чего прогрессивная общественность вовлекла доверившийся ей народ в революцию, все оказалось ложью и обманом.

Манили свободами и правовым порядком, — привели к худшей форме крепостного права, беззаконию и террору.

Манили землей, — на деле отняли хлеб и довели до голодной смерти.

Обещали победу, — привели к разрушению армии, неслыханному бесчестию и позорному миру.

Восхваляли народовластие, а учинили деспотию III империи.

Свергли Даря за то, что не хотел дать ответственное министерство и прервал сессию Государственной Думы, а сами вовсе упразднили Государственную Думу и всю власть законодательную, исполнительную и даже судебную сдали на руки безответственных людей... (Там же, № 17).

К этим словам г. Мглинского я могу сделать только одно добавление. Разрушалась Россия *сознательно* и ее развал явился не результатом теоретических ошибок и заблуждений идейных борцов революции, желавших взамен дурного старого создать что-то лучшее, новое, как думали и продолжают даже теперь думать незрелые люди, а выполнение давно задуманных гениально разработанных программ, обрекавших Россию на *вымирание*. Отсюда ужасные «чрезвычайки», отсюда экономическая политика, приводившая к голоду и людоедству, отсюда непомерные налоги, приводившие к восстаниям и подавление этих восстаний вооруженной силой, отсюда массовые эпидемии, мор и болезни, уносящие миллионы жертв и пр. и пр., как прямой результат всех начинаний новых правителей России.

Все это создавалось умышленно с единой целью — уничтожить самую возможность сопротивления и укрепить свою власть. И с помощью ужасающего террора, такая возможность была действительно вырвана с корнем, тогда как «заграница» объясняла покорность вымирающего от голода и истребляемого казнями

населения — «натурой» русского народа и его сочувствием «новому режиму»...

Но кто же догадывался, что в основе всех этих ужасов лежали еврейские религиозные цели, и кто даже теперь поверит тому, что «царизм» подлежал уничтожению именно потому, что воплощал собой «христианские» цели, являясь самым опасным врагом жидовства?

ГЛАВА 29

Методы и способы истребления русского народа

Истреблялся русский народ тремя способами:

- 1) Убийством,
- 2) Голодом и,
- 3) Нравственными пытками.

Здесь был сознательный умысел и никакие оправдания и объяснения не опровергнут такого утверждения. Бездарность же и абсолютная неграмотность как Временного Правительства, так и советской власти в сфере управления правительственным аппаратом сказывались в разрушениях, причиненных государству, а не в гибели десятков миллионов христианского населения, сознательно допущенной столько же по общегосударственным соображениям новых правителей России, сколько и в целях закрепления их власти.

Все три способа истребления русского народа вели, конечно, к одной цели, — к смерти, но самым ужасным из них был третий способ — нравственные пытки, от которых люди или сходили с ума, или кончали жизнь самоубийством. Никакое воображение не может представить себе характера этих пыток: их нужно было видеть.

С молитвой за несчастных, невинно замученных жертв жидовского фанатизма подойдем ближе к местам их мучений и страданий, войдем вглубь кровавых застенков, где миллионы православных христиан кончали свои счёты с жизнью среди оргий обезумевших сатанистов, войдем туда не для праздного любопытства, а во имя долга перед человечеством, чтобы поведать всему миру о том, что мы там увидели... и чему до сих пор еще так мало верят. Не верят потому, что никакое воображение не в силах нарисовать картины таких ужасов, какие испытала великая христианская Россия, очутившись в когтях вампира, высасывающего

ее кровь... Однако будем помнить, что все эти ужасы, все то, что рассматривается Европой как «сказка» или преувеличение, созданное якобы присутствием русскому антисемитизму, станет ясным и понятным, если мы не забудем основную цель русской революции — истребление христианского населения России.

ГЛАВА 30

1. Чека

а) Задачи «чека» за границей

Первой задачей советской власти было закрепление завоеванных ею позиций. Как ни одурочен был русский народ, по природе доверчивый и простодушный, однако советская власть хорошо сознавала, что гипноз не будет продолжительным и прозревший народ неминуемо ее свергнет. Вот почему на ряду с невообразимой, беззастенчивой и наглой ложью, маскировавшей цели и задачи власти, называвшейся «рабоче-крестьянским» правительством, жида были озабочены созданием условий, исключающих бы самую мысль о возможности какого-либо сопротивления.

С чьей же стороны им угрожала наибольшая опасность?

Конечно, прежде всего со стороны армии, со стороны всех прежних представителей царской власти, наконец, со стороны образованного класса. Но к моменту захвата власти большевиками, ни армии, ни представителей прежней власти уже не было. Изданный «Временным Правительством» приказ № 1 не только развалил армию, но и вызвал поголовное уничтожение командного состава, что привело к массовому дезертирству и к грабёжам и убийствам мирного населения озверелыми солдатами. Государственный аппарат был также разрушен и на местах не было никакой власти. Остался только столь опасный большевикам образованный класс населения, так называемые «буржуа», и поголовное уничтожение этих людей явилось ближайшей задачей большевиков.

С этой целью и была создана «чрезвычайная исполнительная Комиссия по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и саботажем», получившая название «чрезвычайки», или просто «чека». Однако, тот кто знает еврейский язык, знает и то, что слово «чека» является не только сокращением слов «чрезвычайная комиссия», но на еврейском языке выражает «бойню для скота»,

т.е. как раз отвечает понятиям Талмуда, рассматривающем каждого не-еврея, как животное и требующим его убийства.

Задача этого чудовищного учреждения в том, чтобы вылавливать каждого интеллигента, бросать его в тюрьму и, после ужасных пыток и мучений, предавать смертной казни. Так как агенты чрезвычайки относились к «буржуям» каждого мало-мальски опрятно одетого человека, то скоро весь образованный класс сбросил с себя привычные одежды и стал ходить в лохмотьях. Кто поверит, что людей казнили только за то, что они имели накрахмаленную рубашу и носили галстук?!

Однако никакое переодевание не спасало несчастных от гибели, ибо чрезвычайки имели при себе давно заготовленные списки «буржуев» и если не вырезали в первый же день своего владычества всех поголовно, то лишь потому, что еще не были сорганизованы.

Так как задачи советской власти сводились не только к развалу России, но и преследовали более широкие цели, связанные с идеей всемирной революции, то Московская Чрезвычайная Комиссия имела многочисленные отделения не только в России, но и в главнейших центрах Западной Европы, — Лондоне, Париже, Берлине, Вене и пр. и пр.

Дабы не быть голословным, привожу выдержку из статьи «Две заметки из газет», помещенной в 5-м выпуске журнала «Двуглавый Орел», от 1/14 апреля 1921 г., на стр. 44:

«Печатаемая ниже заметка, из газеты «Свобода» от 11 марта с/г., в комментариях не нуждается. Она — лишнее доказательство безграничной подлости большевиков и безпредельного цинизма тех европейских правительств, которые, возвещая на словах возвышенные идеи права и человеколюбия, на деле, по изменным своекорыстным побуждениям, протягивают руку помощи палачам и насильникам, утверждающим свою власть на истязаниях ни в чем не повинных заложников — женщин и детей, близких врагам большевического строя...

Красная мафия

Под таким заголовком в украинском еженедельнике «Воля» помещены следующие документы:

Весьма секретно.

1.

Интернациональным отделам В. Ч. К. и ответственным работникам особых отделов.

Для полной ликвидации бунтов и заговоров, организуемых заграничными агентами на территории Советской России к

немедленному исполнению предлагается:

1) Регистрация всего белогвардейского элемента (отдельно по краям) для увеличения числа заложников из состава их родных и родственников, оставшихся в Советской России; на особом учете держать тех, кто, занимая ответственные должности в Советской России, изменил рабоче-крестьянскому делу. Эта категория должна быть уничтожена при первой возможности.

2) Устройство террористических актов над наиболее активными работниками, а также над членами важных миссий Антанты.

3) Организация боевых дружин и отделов, могущих выступить по первому указанию.

4) Немедленное влияние на разведывательные и контр-разведывательные отделы и организация окраин с целью пересоздания их в свои.

5) Организация фиктивных белогвардейских организаций с целью скорейшего выяснения заграничной агентуры на нашей территории.

Председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии

Дзержинский.

2.

Так как заграничная Ч. К. будет обслуживаться тем большевистским аппаратом, который у них там уже имеется, то одновременно подаю Вам список большевистской заграничной агентуры с ее передаточными пунктами: сношения производятся, главным образом, через Нарву и Штетин. Главным центром является Берлин с Копом и помощником Райхом во главе. Главные курьеры: Шнейдер, Черняк, Феерман, Канторович, Беляндров, Бардах, Курка и Изерский.

В Штетине сидят — Алексеев и Зусь;

В Праге — Зоненштейн, Гутман, Леон., Богров, Штурц, Феодорович, Тушенко и Нина Криворучка;

В Вей — Александровский, Н. Уманский, С. Брандес, Марчук, Фаденюк и Левков;

В Граце — Гольденфельд;

В Кладно — Лянднер;

В Люблине — Юрчик;

В Фиуме — Жеков и Баррер;

В Загребе — Курский (Шмемман);

В Сараево — Раджилович;

В Триесте — Тороти, Водовозов, Триппенбах;

В Бриндизи — Минкич;

В Венеции — Коган;

В *Милане* — Янковский;
В *Салониках* — Ведринский, Сиранов, Скворог, Малик-Бей;
В *Генуе* — Мжованадзе;
В *Ницце* — Белорусов и фон-Лауреоможен;
В *Марселе* — Триан, Гуровский и Кам-Сарахан (Али Элан);
В *Лионе* — С. Северина;
В *Париже* — Б. Суварань, Луша Баден, Торес, Ясинский,
Вайяи Кутюрье;
В *Роттердаме* — Ридель и Гасевич;
В *Гамбурге* — Тауд и Окунь;
В *Шербурге* — Лесчилье и Тиршин;
В *Бордо* — Садиков и Ст. Корде;
В *Биаррице* — Аляиская и Гуревич;
В *Мадриде* — Рудак и Кастро-дю-Кабрера;
В *Дублине* — О'Крейт;
В *Лондоне* — Мюннер. Парацельс, Гриневицкая, Мамон, Кирх-
нер и Трубачев;
В *Копенгагене* — Соломон и Бенерт;
В *Стокгольме* — Воровский;
В *Гельсингфорсе* — Керберг;
В *Риге* — Герсон, Миносек и Заббе;
В *Ковно* — Гриневич и Робинovich.»

Этот список неполный. В него входят только главные «киты» организации. Возле каждой группы имеется масса отделов и подразделов, которые пополняются большей частью «местными силами»...

Означенные сведения относятся к 1921 году, и с того времени произошло, наверное, много перемен. Но имена и не важны, тем более, что и под вышеприведенными, наверное, скрываются подставные лица.

Перемещенный из Стокгольма в Рим большевический агент Воровский, как известно, был убит в Швейцарии, и хотя весь нежидовский мир преклонился перед Швейцарским судом, оправдавшим героев Коиради и Полунина, однако правительство Италии выразило семье убитого соболезнование, оставаясь равнодушным к миллионам жертв, замученных Воровским, чем вызвало немалое изумление не только со стороны русских, но и со стороны итальянцев, связанных с русскими узами взаимной симпатии и участием к страданиям России.

Работа «чека» в России

В России каждый город имел несколько отделений, задача которых состояла, как я уже говорил, в уничтожении образованного класса; в деревнях и селах — эта задача сводилась к истреблению духовенства, помещиков и наиболее зажиточных крестьян, а за границей, как мы видели, к шпионажу и подготовке коммунистических выступлений, устройству забастовок, подготовке выборов и к подкупу прессы, на что расходовались сотни миллионов золота, награбленного большевиками в России.

«1-ю категорию обреченных чрезвычайками на уничтожение составляли:

1) лица, занимавшие в до-большевической России хотя бы сколько-нибудь заметное служебное положение — чиновники и военные, независимо от возраста, и их вдовы,

2) семьи офицеров-добровольцев (были случаи расстрела 5-ти летних детей, а в Киеве разъяренные большевики гонялись даже за младенцами, прокалывая их насквозь штыками своих ружей.),

3) священнослужители,

4) рабочие и крестьяне с заводов и деревень, подозреваемые в несочувствии советской власти,

5) все лица, без различия пола и возраста, имущество коих, движимое и недвижимое, оценивалось выше 10 000 рублей.

По размерам и объему своей деятельности Московская Чрезвычайная Комиссия была не только министерством, но как бы государством в государстве. Она охватывала собой буквально всю Россию и щупальцы ее проиикали в самые отдаленные уголки необъятной территории русского государства. Комиссия имела целую армию служащих, военные отряды, жандармские бригады, огромное количество батальонов пограничной стражи, стрелковых дивизий и бригад башкирской кавалерии, китайских войск и пр. и пр., не говоря уже о специальных, привилегированных агентах, с многочисленным штатом служащих, задача которых заключалась в шпионаже и доносах.

Во главе этого ужасного учреждения, к описываемому мною времени, стоял человек-зверь полик Феликс Дзержинский, имевший нескольких помощников и между ними Белобородова, с гордостью именовавшего себя убийцей Царя. Во главе провинциальных отделений находились подобные же звери, люди отмеченные печатью сатанинской злобы, несомненно одержимые дьяволом (увы, теперь этому не верят, а между тем, как много таких одержимых в наше время, но мы духовно слепы и их

не замечаем!), а низший служебный персонал, как в центре, так и в провинции, состоял, главным образом, из жидов и подонков всякого рода национальностей — китайцев, венгров, латышей и эстонцев, армян, поляков, освобожденных каторжников, выпущенных из тюрем уголовных преступников, злодеев, убийц и разбойников. Это были непосредственные исполнители директив, палачи, упивавшиеся кровью своих жертв и получавшие плату по-сдельно, за каждого казненного. В их интересах было казнить возможно большее количество людей, чтобы больше заработать. Между ними видную роль играли и женщины, почти исключительно жидовки, и особенно молодые девицы, которые поражали своим цинизмом и выносливостью даже закоренелых убийц не только русских, но даже китайцев. «Заработок» был велик: все были миллионерами.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что между этими людьми не было ни одного физически и психологически нормального человека: все они были дегенератами, с явно выраженными признаками вырождения, и должны были бы находиться в домах для умалишенных, а не гулять на свободе, все отличались истовой развращенностью и садизмом, находились в повышенном нервном состоянии и успокаивались только при виде крови... Некоторые из них загускали даже руку в дымящуюся и горячую кровь и облизывали свои пальцы, причем глаза их горели от чрезвычайного возбуждения.

И в руках этих людей находилась Россия!..

И руки этих людей пожимала «культурная» Европа!

О стыд и позор!

Как ужасный вампир раскинула «чрезвычайка» свои сети на пространстве всей России и приступила к уничтожению христианского населения, начиная с богатых и знатных, выдающихся представителей культурного класса и кончая неграмотным крестьянином, которому вменялась в преступление только принадлежность к христианству.

В течение короткого промежутка времени были убиты едва ли не все представители науки, ученые, профессора, инженеры, доктора, писатели, художники, не говоря уже о сотнях тысяч всякого рода государственных чиновников, которые были уничтожены в первую очередь. Такое массовое избиение и оказалось возможным только потому, что никто не предполагал самой возможности его, все оставались на местах и не предпринимали никаких мер к спасению, не допуская, конечно, и мысли о том, что задача новой власти сводится к истреблению христиан.

В газете «Последние Новости» (№ 160) помещена заметка о гибели русских ученых, оставшихся в советской России. Приводим выдержку:

«За 2½ года существования советского строя умерло 40% профессуры и врачей. В моем распоряжении списки умерших, полученные мною из Дома ученых и Дома литераторов. Даю здесь список имен наиболее известных профессоров и ученых: Армашевский, Батюшков, Бороздин, Васильев, Вельяминов, Веселовский, Быков, Дормидонтов, Дьяков, Жуковский, Исаев, Кауфман, Кобеко, Корсаков, Коковеров, Кулаковский, Кулишер, Лаппо-Данилевский, Лемм, Лопатин, Лучицкий, Морозов, Нагуевский, Погенполь, Покровский, Радлов, Рихтер, Рыкачев, Смирнов, Танеев, кн. Е. Трубецкой, Туган-Барановский, Тураев, Фамицын, Флоринский, Хвостов, Федоров, Ходский, Шаланд, Шляпки и др.»

По сведениям газеты «Время» (№ 136) в течение последних месяцев 1920 г. умерли в советской России от голода и нищеты еще следующие ученые: проф. Берицкий, Бланки, проф. Венгеров, проф. Гезехус, Геккер, проф. Дубяко, Модзалевский, проф. Покровский, проф. Федеров, проф. Штейнберг и академик Шахматов».

Сведения эти конечно, неполные, но, если столько ученых погибло за 2½ года, то сколько же их погибло за 10 лет? Да и возможно ли теперь установить точную цифру, когда советская власть и пропускает за границу никаких сведений, могущих ее компрометировать, а эмиграция пользуется лишь обрывками, случайно попадающими в газеты?!

С каждым днем своего владычества жида нагнали все больше.

Сначала производились массовые обыски якобы скрытого жителями оружия, затем аресты и заключение в тюрьму и смертная казнь в подвалах «чрезвычайек». Террор был так велик, что ни о каком сопротивлении не могло быть и речи, никакого общения населения не допускалось, никакие совещания о способах самозащиты были невозможны, никакое бегство из городов, сел и деревень, оцепленных красноармейцами было невысказано. Под угрозой смертной казни было запрещено входить даже на улицы, но, если бы такого запрещения и не было, то никто бы не отважился выйти из дома из опасения быть убитым, ибо перестрелка на улицах стала обычным явлением.

Людей хватали на улицах, врываются в дома днем и ночью, стаскивая обезумевших от страха с постели, и волокли в подвалы чрезвычайки стариков и старух, жен и матерей, юношей и детей, связывая им руки, оглушая их ударами, с тем чтобы расстрелять их, а трупы бросить в ямы, где они делались добычей голодных собак.

Вполне очевидно, что отсутствие сопротивления, покорность и запутанность населения еще более разжигала страсти палачей, и они скоро перестали обставлять убийства людей всякого рода

инсценировками, а начали расстреливать на улицах каждого проходящего.

И для несчастных людей такая смерть была не только самым лучшим, но и самым желанным исходом. Внезапно сраженные пулей, они умирали мгновенно, не изведав ни предсмертного страха, ни предварительных пыток и мучений в чрезвычайках, ни унижительных издевательств, сопровождающих каждый арест и заключение в тюрьму.

В чем же заключались эти пытки, мучения и издевательства?

Нужно иметь крепкие нервы, чтобы только вдуматься в ужас этих переживаний и хотя бы на очень отдаленном расстоянии представить их в своем воображении.

На первых порах, как я уже сказал, практиковались обыски, якобы скрытого оружия и в каждый дом, на каждой улице, беспрерывно днем и ночью, являлись вооруженные до зубов солдаты в сопровождении агентов чрезвычайки и открыто грабили все, что им попадалось под руку. Никаких обысков они не проводили, а, имея списки намеченных жертв, уводили их с собой в чрезвычайку, предварительно ограбив, как самих жертв, так и их родных и близких. всякого рода возражения были бесполезны и приставленное ко лбу дуло револьвера было ответом на попытку отстоять хотя бы самые необходимые вещи. Грабили все, что могли унести с собой. И запуганные обыватели были счастливы, если такие визиты злодеев и разбойников оканчивались только грабежом.

Позднее они сопровождались неслыханными глумлениями, издевательствами и превращались в дикие оргии. Под предлогом обысков, эти банды разбойников являлись в лучшие дома города, приносили с собой вино и устраивали вечерники, барабаны по роялю и насильно заставляя хозяев танцевать... Кто отказывался, того убивали на месте. Особенно тешились негодяи, когда им удавалось заставлять танцевать престарелых и дряхлых, или священников и монахов. И нередко были случаи, когда приносимое разбойниками шампанское смешивалось с кровью застреленных ими жертв, валявшихся тут же на полу, где они продолжали танцевать, справляя свои сатанинские тризны. Кажется дальше уже идти некуда, а между тем изверги допускали еще большие зверства: на глазах родителей они не только насильно ложили дочерей, но даже растлевали малолетних детей, заражая их неизлечимыми болезнями.

Вот почему, когда такие посещения ограничивались только грабежом, или арестом, то обыватели считали себя счастливыми.

Поймав свою жертву, жиды уводили ее в «чрезвычайку».

«Чрезвычайки» занимали обыкновенно самые лучшие дома города и помещались в наиболее роскошных квартирах, состоящих

из целого ряда комнат. Здесь заседали бесчисленные «следователи». Приведя свою жертву в приемную, жиды сдавали ее следователю и тут начинался допрос. После обычных вопросов о личности, занятии и местожительстве, начинался допрос о характере политических убеждений, о принадлежности к партии, об отношении к советской власти, к проводимой ею программе и пр. и пр., затем, под угрозой расстрела, требовались адреса близких, родных и знакомых жертвы и предлагался целый ряд других вопросов, совершенно бессмысленных, рассчитанных на то, что допрашиваемый собьется, запутается в своих показаниях и тем создаст почву для предъявления конкретных обвинений... Таких вопросов предлагалось сотни и несчастная жертва была обязана отвечать на каждый из них, причем ответы тщательно записывались, после чего допрашиваемый передавался другому следователю.

Этот последний начинал допрос сначала и предлагал буквально те же вопросы, только в другом порядке, после чего передавал свою жертву третьему следователю, затем четвертому и т.д. до тех пор, пока, доведенный до полного изнеможения, обвиняемый соглашался на какие угодно ответы, приписывал себе несуществующие преступления и отдавал себя в полное распоряжение палачей. Многие не выдерживали пытки и теряли рассудок. Их причисляли к счастливым, ибо впереди были еще более страшные испытания, еще более зверские истязания.

Никакое воображение не способно представить себе картину этих истязаний. Людей раздевали догола, связывали кисти рук веревкой и подвешивали к перекладинам с таким расчетом, чтобы ноги едва касались земли, а затем медленно и постепенно расстреливали из пулеметов, ружей или револьверов. Пулеметчик раздроблял сначала ноги для того, чтобы они не могли поддерживать туловища, затем наводил прицел на руки и в таком виде оставлял висеть свою жертву, истекающую кровью... Насладившись мучением страдальцев, он принимался снова расстреливать ее в разных местах до тех пор, пока живой человек превращался в бесформенную кровавую массу и только после этого добивал ее выстрелом в лоб. Тут же сидели и любовались казнями приглашенные «гости», которые пили вино, курили и играли на пианино или балалайках.

Ужаснее всего было то, что несчастных не добивали насмерть, а сваливали в фургоны и бросали в яму, где многих живо погребали. Ямы, наспех вырытые, были неглубоки и оттуда не только доносились стоны изувеченных, но были и случаи, когда страдальцы, с помощью прохожих, выползали из этих ям, лишившись рассудка.

Часто практиковалось сдирание кожи с живых людей, для чего

их бросали в кипяток, делали надрезы на шею, и вокруг кисти рук, и щипцами стаскивали кожу, а затем выбрасывали на мороз... Этот способ практиковался в Харьковской чрезвычайке, во главе которой стояли «товарищ Эдуард» и каторжник Саенко. По изгнании большевиков из Харькова Добровольческая армия обнаружила в подвалах чрезвычайки много «перчаток». Так называлась содранная с рук вместе с ногтями кожа. Раскопки ям, куда бросались трупы убитых, обнаружили следы какой-то чудовищной операции над половыми органами, сущность которой не могли определить даже лучшие харьковские хирурги. Они высказывали предположение, что это одна из применяемых в Китае пыток, по своей болезненности превышающая все доступное человеческому воображению. На трупах бывших офицеров, кроме того, были вырезаны ножом, или выжжены огнем погони на плечах, на лбу — советская звезда, а на груди — орденские знаки, были отрезанные носы, губы и уши... На женских трупах — отрезанные груди и сосцы и пр. Масса раздробленных и скальпированных черепов, содранные ногти, с продетыми под ними иглами и гвоздями, выколотые глаза, отрезанные пятки и пр. и пр. Много людей было затоплено в подвалах чрезвычайки, куда загоняли несчастных и затем открывали водопроводные краны.

В *Петербурге* — во главе чрезвычайки стоял латыш Петерс, переведенный затем в Москву. По вступлении своем в должность «начальника внутренней обороны», он немедленно же расстрелял свыше 1000 человек, а трупы приказал бросить в Неву, куда сбрасывались и тела расстрелянных им в Петропавловской крепости офицеров. К концу 1917 года в Петербурге оставалось еще несколько десятков тысяч офицеров, уцелевших от войны и большая половина их была расстреляна Петерсом, а затем жидом Урицким. Даже по советским данным, являющимся ложным, Урицким было расстреляно свыше 5000 офицеров.

Переведенный в *Москву*, чекист Петерс, в числе прочих помощников имевший латышку Краузе, залил кровью буквально весь город. Нет возможности передать все, что известно об этой женщине-звере и ее садизме. Рассказывали, что она изводила ужас одним своим видом, что приводила в трепет своим неестественным возбуждением... Она издевалась над своими жертвами, измышляла самые страшные виды мучений преимущественно в области половой сферы и прекращала их только после полного изнеможения и наступления половой реакции. Объектом ее мучений были, главным образом, юные люди и никакое перо не в состоянии передать, что эта сатанистка производила со своими жертвами, какие операции проделывала над ними... Достаточно сказать, что такие операции длились часами и она прекращала их только после того, как корчившиеся в страданиях молодые люди

превращались в окровавленные трупы с застывшими от ужаса глазами... Ее достойным сотрудником был не менее извращенный садист Орлов, специальностью которого было расстреливать мальчиков, которых он вытаскивал из домов, или ловил на улицах. Этим последних им расстрелено в Москве несколько тысяч. Другой чекист Мата объезжал тюрьмы и расстреливал заключенных, третий посещал с этой целью больницы... Если мои сведения кажутся неправдоподобными, а это может случиться до того они невероятны и с точки зрения нормальных людей недопустимы, то я прошу проверить их, ознакомившись хотя бы только с иностранной прессой за годы, начиная с 1918-го, и просмотреть газеты «Victoire», «Times», «Le Travail», «Journal de Geneve», «Journal des Debats» и др.

Все эти сведения заимствованы или из рассказов чудом вырвавшихся из России иностранцев, или же из официальных сообщений власти, которая считает себя настолько прочной, что не находит даже нужным скрывать о своих злодейских замыслах в отношении русского народа, обреченного ею на истребление. В изданной Троцким (Лейбой Броиштейном) брошюре «Октябрьская революция», он даже хвастается этой силой, этим несокрушимым могуществом советской власти.

«Мы так сильны, говорит он, что если мы заявим завтра в декрете требование, чтобы все мужское население Петрограда явилось в такой то день и час на Марсово поле, чтобы каждый получил 25 ударов розог, то 75% тотчас бы явилось и стало бы в хвост и только 25% более предусмотрительных подумали запастись медицинским свидетельством, освобождающим их от телесного наказания...»

В Киеве чрезвычайка находилась во власти латыша Лациса.

Его помощники были изверги Авдохин, жидовки «товарищ Вера», Роза Шварц и другие девицы. Здесь было полсотни чрезвычайчек, но наиболее страшными были три, из которых одна помещалась на Екатерининской ул. № 16, другая на Институтской ул., № 40 и третья на Садовой ул., № 5. Каждая из них имела свой собственный штат служащих, точнее палачей, но между ними наибольшей жестокостью отличались упомянутые две жидовки. В одном из подвалов чрезвычайки, точно не помню какой, было устроено подобие театра, где были расставлены кресла для любителей кровавых зрелищ, а на подмостках, т.е. на эстраде, которая должна была изображать собой сцену, производились казни.

После каждого удачного выстрела раздавались крики «браво», «бис» и палачам подносились бакалы шампанского. Роза Шварц лично убила несколько сот людей, предварительно втиснутых в ящик, на верхней площадке которого было проделано отверстие

для головы. Но стрельба в цель являлась для этих девиц только шуточной забавой и не возбуждала уже их притупившихся нервов. Они требовали более острых ощущений, и с этой целью Роза и «товарищ Вера» выкалывали иглами глаза, или выжигали их папиросой, или же забивали под ногти тонкие гвозди.

В Киеве шепотом передавали любимый приказ Розы Шварц, так часто раздававшийся в кровавых застенках чрезвычайек, когда ничем уже нельзя было заглушить душераздирающих криков истязуемых: «залей ему глотку горячим оловом, чтобы не визжал, как поросенок»... И этот приказ выполнялся с буквальной точностью. Особенную ярость вызывали у Розы и Веры те из попавших в чрезвычайку, у кого они находили иательный крест. После невероятных глумлений над религией, они срывали эти кресты и выжигали огнем изображение креста на груди, или на лбу своих жертв. С приходом добровольческой армии и изгнанием большевиков из Киева, Роза Шварц была арестована в тот момент, когда подносила букет одному из офицеров, ехавших верхом во главе своего отряда, вступившего в город. Офицер узнал в ней свою мучительницу и арестовал ее. Таких случаев провокации было много, и доведенный до совершенства шпионаж чрезвычайно затруднял борьбу с большевиками.

Практиковались в киевских чрезвычайках и другие способы истязаний. Так, например, несчастных втискивали в узкие деревянные ящики и забивали их гвоздями, катая ящики по полу... Пользовались палачи и Днепром, куда сотнями загонялись в воду связанные друг с другом люди и их или топили, или пачками расстреливали из пулеметов.

Когда фантазия в измышлении способов казни истощилась, тогда несчастных страдальцев бросали на пол и ударами тяжелого молота разбивали им голову пополам с такой силой, что мозг выдавливался на пол. Это практиковалось в киевской чрезвычайке, помещавшейся на Садовой, 5, где солдаты добровольческой армии обнаружили сарай, асфальтовый пол которого был буквально завален человеческими мозгами. Неудивительно, что за 6 месяцев владычества большевиков в Киеве погибло, по слухам, до 100000 человек и между ними лучшие люди города, гордость и краса Киев.

Приказ Лациса: «Не ищите никаких доказательств како...либо оппозиции Совтам в словах или поступках обвиняемого. Первый вопрос, который нужно выяснить, это к какому классу и профессии принадлежал подсудимый и какое у него образование» — этот приказ его сотрудники-чекисты выполнили буквально.

«По откровенно и цинично горделивым признаниям того же Лациса, в 1918 г. и в течение первых 7 месяцев 1919 г было подавлено 344 восстания и при этом убито 3057 чел., и за этот

же период было казнено, только по приговорам и обвинениям В.Ч.К. — 8389 чел. Петроградская «чрезвычайка» за это же время «упразднила» 1206 чел., киевская — 825, специально московская — 234 чел... В Москве за девять месяцев 1920 г. было расстреляно, по приговорам чрезвычайки, — 131 чел... За месяц от 23 июля по 21 августа этого года московский революционный трибунал приговорил к смертной казни — 1182». («Общее Дело», 7 ноября 1920 г., № 115). Разумеется, сведения эти, как исходящие от Лашиса, не точны.

В Одессе свирепствовали знаменитые палачи Дейч и Вихман, оба жида, с целым штатом прислужников, среди которых, кроме жидов, были китайцы и один негр, специальностью которого было вытягивать жилы у людей, глядя им в лицо и улыбаясь своими белыми зубами. Здесь же прославилась и Вера Гребенщикова, ставшая известной под именем «Доры». Она лично застрелила 700 человек. Каждому жителю Одессы было известно изречение Дейча и Вихмана, что они не имеют аппетита к обеду прежде чем не перестреляют сотню «гоев». По газетным сведениям ими расстреляно свыше 8000 человек, из которых 400 офицеров, но в действительности эту цифру нужно увеличить по меньшей мере в десять раз. Тотчас после оставления Одессы «союзниками», большевики, ворваршись в город и не успев еще организовать чрезвычайку, использовали для своих целей линейный корабль «Синоп» и крейсер «Алмаз», куда и уводили своих жертв. За людьми началась буквально охота, пойманных не убивали на месте только для того, чтобы сперва их помучить. Хватали и днем и ночью, и молодых и старых, и женщин и детей, хватали всех без разбора, ибо от количества пойманных зависело количество награбленных вещей и высота заработка. Приводимых на борт «Синопа» и «Алмаза» прикрепляли железными цепями к толстым доскам и медленно постепенно продвигали, ногами вперед, в корабельную печь, где несчастные жарились заживо. Затем их извлекали оттуда, опускали на веревках в море и снова бросали в печь, вдыхая в себя запах горелого мяса... Кто мог бы подумать, что человек способен дойти до такой жестокости, не имевшей еще примера в истории?! И такой ужасной смертью умиралли лучшие люди России, офицеры, ее доблестные защитники, и между ними герой Порт-Артура генерал Смирнов! Других четвертовали, привязывая к колесам машинного отделения, разрывавших их на куски, третьих бросали в паровой котел, откуда вынимали, бережно выносили на палубу, якобы для того, чтобы облегчить их страдания, и затем снова бросали в котел, с тем, чтобы сваренную бесформенную массу выбросить в море.

О том, каким истязаниям подвергались несчастные в чрезвычайках Одессы можно было судить по орудиям пыток,

среди которых были не только гири, молоты и ломы, которыми разбивались головы, но и пинцеты, с помощью которых вытягивались жилы и так называемые «каменные мешки», с небольшим отверстием сверху, куда страдальцев втискивали, ломая кости, и где в скорченном виде они обрекались специально на бессонницу. Нарочито приставленная стража должна была следить за несчастным, не позволяя ему заснуть. Его кормили гнилыми сельдями и мучили жаждой. Здесь главными помощниками Дейча и Вихмана были «Дора», убившая, как я уже упоминал 700 человек, и 17-летняя проститутка «Саша», расстрелявшая свыше 200 человек. Обе они подвергали своих жертв неслыханным мучениям и буквально купались в их крови. Обе были садистками и по цинизму превосходили даже латышку Краузе, являясь подлинными исчадиями ада.

В *Вологде* свирепствовали палачи Кедров (Цедербаум) и латыш Эйдук, о жестокости которых создавались целые легенды. Они перестреляли несметное количество людей и вырезали поголовно всю местную интеллигенцию.

В *Воронеже* чрезвычайка практиковала чисто ритуальные способы казни. Людей бросали в бочки со вбитыми кругом гвоздями и скатывали бочки с горы. Этим способом добывания христианской крови, посредством «уколов», жиды, как известно по процессу Бейлиса в Киеве, пользовались тогда, когда не имели возможности спокойно проделать операцию ритуального убийства христианских детей, требующую специальных инструментов. Здесь же, как и в прочих городах, выкалывались глаза, вырезались на лбу или на груди советские звезды, бросали живых людей в кипяток, ломали суставы, сдирали кожу, заливали в горло раскаленное олово и пр. и пр.

В *Николаеве* чекист Богбендер (жид), имевший своими сотрудниками двух китайцев и одного каторжника-матроса, замуровывал живых людей в каменных стенах.

В *Пскове*, по газетным сведениям, все пленные офицеры, в числе около 200 человек, были отданы на растерзание китайцам, которые распилили их пилами на куски.

В *Полтаве* неистовствовал чекист Гришка, практиковавший неслыханный по зверству способ мучений. Он предал лютой казни 18 монахов, приказав посадить их на заостренный кол, вбитый в землю. Этим же способом пользовались и чекисты *Ямбурга*, где на кол были посажены все захваченные на Нарвском флоте офицеры и солдаты. Никакое перо не способно описать мучения страдальцев, которые умирали не сразу, а спустя несколько часов, извиваясь от нестерпимой боли. Некоторые мучились даже более суток. Трупы этих великомучеников являли собой потрясающее зрелище: почти у всех глаза вышли из орбит...

В *Благовещенске* у всех жертв чрезвычайки были вонзенные под ногти пальцев на руках и на стопах грамофонные иглы.

В *Омске* пытали даже беременных женщин, вырывали животы и вытаскивали кишки.

В *Казани*, на *Урале* и *Екатеринбурге* несчастных распинали на крестах, сжигали на кострах, или же бросали в раскаленные печи. По газетным сведениям, в одном *Екатеринбурге* погибло свыше 2000 человек.

В *Симферополе* чекист Ашикин заставлял своих жертв, как мужчин так и женщин, проходить мимо него совершенно голыми, оглядывал их со всех сторон и затем ударом сабли отрубал уши, носы и руки... Истекая кровью несчастные просили его пристрелить их, чтобы прекратились муки, но Ашикин хладнокровно подходил к каждому отдельно, выкалывал им глаза, а затем приказывал отрубить им головы.

В *Севастополе* несчастных связывали группами, наносили им ударами сабель и револьверами тяжкие раны и полуживыми бросали в море. В Севастопольском порту есть места, куда водолазы отказываются спускаться: двое из них, после того как побывали на дне моря, сошли с ума. Когда третий решился нырнуть в воду, то выйдя, заявил, что видел целую толпу утопленников, привязанных ногами к большим камням. Течением воды их руки приводились в движение, волосы были растрепаны. Среди этих трупов священник в рясе с широкими рукавами, поднимая руки, как будто произносил ужасную речь...

В *Алушке* чрезвычайка расстреляла 272 больных и раненых, подвергая их такого рода истязаниям: заживающие раны, полученные ими на фронте, вскрывались и засыпались солью, грязной землей и известью, а также заливались спиртом и керосином, после чего несчастные доставлялись в чрезвычайку. Тех из них, кто не мог передвигаться — приносили на носилках. Татарское население, ошеломленное такой ужасной бойней, увидело в ней наказание Божие и наложило на себя добровольный трехдневный пост.

В *Пятигорске* чрезвычайка убила всех своих заложников, вырезав почти весь город. Несчастные заложники были уведены за город, на кладбище, с руками связанными за спиной проволокой. Их заставили стать на колени в двух шагах от вырытой ямы и начали рубить им руки, ноги, спины, выкалывать штыками глаза, вырывать зубы, распарывали животы и пр. Тогда же, в 1919 году, здесь были зарублены изменник и предатель Царя генерал Рузский, генерал Радко-Дмитриев, кн. Н.П. Урусов, кн. Шаховской и мн. др. в том числе, если не ошибаюсь и б. министр юстиции Н. Добровольский.

В Тифлисе наводил Ужас чекист Панкратов, прославившийся своими зверствами даже за границей. Он убивал ежедневно около тысячи человек не только в подвалах чрезвычайки, но и открыто, на городской площади Тифлиса, где стены почти каждого дома были забрызганы кровью.

В Крыму чекисты, не ограничиваясь расстрелом пленных сестер милосердия, предварительно насиловали их, и сестры запасались ядом, чтобы избежать бесчестия. По официальным сведениям, а мы знаем, насколько советские «официальные» сведения точны, в 1920/21 гг., после эвакуации генерала Врангеля в Феодосии было расстрелено — 7500 человек, в Симферополе — 12000 чел., в Севастополе — 5000, итого 33500 человек. Эту цифру нужно, конечно, удвоить, ибо одних офицеров, оставшихся в Крыму, было расстрелено, как передавали газеты, свыше 12000 человек, и эту задачу выполнил жид Бела-Кун, заявивший, что Крым на три года отстал от революционного движения и его нужно одним ударом поставить в уровень со всей Россией.

После занятия Балтийских городов в январе 1919 года эстонскими войсками, были вскрыты могилы убитых и тут же было установлено по виду истерзанных трупов, с какой жестокостью большевики расправлялись со своими жертвами. У 33 убитых черепа были размозжены так, что головы висели, как обрубки дерева на стволе. Большинство жертв до их расстрела имели штыковые раны, вывернутые внутренности, переломанные кости. Один из убежавших рассказывал, что его повели с 36 арестованными и поставили над могилой. Сперва начали расстреливать женщин. Одна из них старалась убежать и упала раненая, тогда убийцы потянули ее за ноги в яму, пятеро из них стпыгнули на нее и затоптали ее ногами до смерти.

Как ни ужасны способы мучений, практиковавшиеся в чрезвычайках Европейской России, но все они бледнеют перед тем, что творилось озверелыми чекистами в Сибири. Там, кроме уже описанных пыток, применялись еще следующие: в цветочный горшок сажали крысу и привязывали его или к животу, или к заднему проходу, а через небольшое круглое отверстие на дне горшка пропускали раскаленный железный прут, которым прижимали крысу. Спасаясь от мучений и не имея другого выхода, крыса впиалась зубами в живот и прогрызала отверстие через которое и влезала в желудок, разрывая кишки и поедая их, а затем вылезала с противоположного конца, прогрызая себе выход в спину или в бок...

Поистине были счастливы те, кого только расстреливали из пулеметов, ружей или револьверов и кто умирал, не изведав этих страшных пыток...

С каких бы мы точек зрения ни рассматривали все эти жестокости, они всегда будут казаться нелепыми... Объясняет их только идея жертвоприношения еврейскому богу, выполнение требований Яхве.

ГЛАВА 32

в) Статьи г. Дивеева «Жертвы долга» и Д-ра В. Марка «Садизм в Советской России»

Не могу, в заключение, не привести выдержек из превосходной статьи г. Дивеева «Жертвы долга», напечатанной в 31 выпуске журнала «Двуглавый Орел», за 1/14 июня 1922 г., на стр. 27-31, где сообщаются сведения о расстрелянных большевиками русских министрах и других, лично мне известных, лицах.

«...С полгода тому назад привелось мне встретиться с одним лицом, просидевшим весь 1918 год в Московской Бутырской тюрьме. Одной из самых тяжелых обязанностей заключенных было закапывание расстрелянных и выкапывание глубоких канав для погребения жертв следующего расстрела. Работа эта производилась изо дня в день. Заключенных вывозили на грузовиках под надзором вооруженной стражи к Ходынскому полю, иногда на Ваганьковское кладбище, надзиратель отмерял широкую, в рост человека, канаву, длина которой определяла число намеченных жертв. Выкапывали могилы на 20-30 человек, готовили канавы на много десятков больше. Подневольным работникам не приходилось видеть расстрелянных, ибо таковые бывали ко времени их прибытия уже «засыпаны землей» руками палачей. Арестантам оставалось только заполнять рвы землей и делать насыпь вдоль рва, поглотившего очередные жертвы «чека».

Мой собеседник отбывал эту кладбищенскую страду в течение нескольких месяцев. Со своей стражей заключенные успели сжиться настолько, что она делилась с ними своими впечатлениями о производившихся «операциях». Однажды, по окончании копания очередной сплошной могилы-канавы, конвойцы объявляли, что на завтрашнее утро предстоит «важный расстрел» попов и министров. На следующий день дело выяснилось. Расстрелянными оказались: епископ Ефрем, протоиерей Восторгов, ксендз Лютостанский с братом, быв. министр внутренних дел Н.А. Маклаков, председатель Государственного Совета И.Г. Щегловитов, быв. министр внутренних дел А.Н. Хвостов и

сенатор С.П. Белецкий... прибывших разместили вдоль могилы и лицом к ней... По просьбе о. Иоанна Восторжана палачи разрешили всем осужденным помолиться и попроситься друг с другом. Все стали на колени и полилась горячая молитва несчастных «смертников», после чего все подходили под благословение Преосвященного Ефрема и о. Иоанна, а затем все простились друг с другом. Первым бодро подошел к могиле о. протоиерей Восторгов, сказавший перед тем несколько слов остальным, приглашая всех с верой в милосердие Божие и скорое возрождение Родины, принести последнюю искупительную жертву. «Я готов», заключил он, обращаясь к конвою. Все стали на указанные им места. Палач подошел к нему со спины вплотную, взял его левую руку, вывернул ее за поясницу и, приставив к затылку револьвер, выстрелил, одновременно толкнув о. Иоанна в могилу. Другие палачи приступили к остальным своим жертвам. Белецкий рванулся и быстро отбежал в сторону кустов шагов 20-30, но настигнутый двумя пулями, упал и его «приволокли» к могиле, пристрелили и сбросили.

Из слов конвоя, переданных нам рассказчиком, выяснилось, что палачи, перекидываясь замечаниями, пока они «присыпали» землю несчастные свои жертвы, высказывали глубокое удивление о. Иоанну Восторгову и Николаю Алексеевичу Маклакову, видимо поразивших их своим хладнокровием перед страшной, ожидавшей их участью. Иван Григорьевич Щегловитов, по словам рассказчика, с трудом передвигался, но ни в чем не проявил никакого страха...

Чем же объяснить саму возможность такого неслыханного зверства, такой дикой, непонятной злобы, такой ярости, охватившей самый богоугодный, самый кроткий и простодушный народ в мире, каким всегда был русский народ, всепрощающий и смиренный?

На этот вопрос пытается ответить прекрасная статья доктора В. Марка*) «Садизм в Советской России», напечатанная в 30 выпуске журнала «Двуглавый Орел» от 1/14 мая 1922 г., на стр. 32-43.

«Бедный, несчастный русский народ, что большевики над тобой проделали!» восклицает доктор-иностранец, подавленный ужасами, свидетелем которых он был. Статья д-ра В. Марка так интересна, так прекрасно дополняет предыдущие иллюстрации, что я позволю себе привести несколько выдержек из нее, хотя и несогласен с выводами автора.

*) Автор этой статьи в конце 1921 года покинул Советскую Россию, где он, с самого начала большевической революции, занимал руководящее место в качестве врача в Красной армии. По принуждению большевиков автор участвовал во многих большевических военных походах и неоднократно был свидетелем массовых расстрелов и пыток.

Грязное отвратительное зрелище невообразимых пыток, расстрелов, убийств, убийств, мучительства и шпионства достигли в Советской России невероятной степени напряженности и это нарастание жестокости достигло таких громадных размеров и вместе с тем сделалось столь обыденным явлением, что все это можно объяснить только *психологической заразой*, которая *сверху до низу охватила* все слои населения. Перед нашими глазами по лицу восточной Европы проходит волна какой то напряженной жестокости, какого то возмутительного зверского садизма, которые, по числу жертв, далеко оставляют за собой и средневековые и французскую революцию. Россия положительно вернулась к временам средних веков, воскрешая из пепла до мельчайших подробностей все их особенности, как бы нарочито для того, чтобы дать источникам средних веков, живя в XX столетии, одновременно переживать и исследовать *самодурство и мрак средних веков**). Изю всех революций, которые видел мир, русская революция, бесспорно, самая кровавая: безвинно и бесцельно были загублены миллионы людей и все еще нет конца обреченным жертвам. Припадки садизма в столь громадных размахах не излечиваются столь скоро, чтобы можно было, как надеются многие оптимисты, через несколько лет ввести этот ураган жестокости в более спокойное русло.

Готовность видеть непременно грубого насильника в каждом человеке, впервые в России, настолько глубоко укоренилась в общем сознании, что всякая случайная встреча где либо с любезным и предупредительным человеком вызывает в душе глубочайшее удивление. Но и такая любезная предупредительность нередко оказывается лишь обманным средством, чтобы незаметно вкрасться в доверие соседа и, высмотрев условия его жизни, при первом случае сделать на него донос и предать его революционному трибуналу. *В России теперь нельзя иметь друзей; всякий товарищ, всякий сосед может оказаться шпионом и теперь в коммунистической России всякий человек одинаково идет своим путем***). Это звучит парадоксально, но это так:

*) Курсив наш. Там не было ни мрака, ни самодурства, а сознательное осуществление тех вековых еврейских целей, только более замаскированных и не столь гинично обнаженных, как в России в период революции 1917 г. длящейся и доныне.

**) Курсив наш. Здесь ответ на вопрос Европы, почему Россия не сбрасывает с себя ига большевизма.

в коммунистическом раю каждый порядочный человек обречен на одиночество. И как же быть тому иначе, когда повсюду, куда ни взглянешь, находишь и видишь одно и то же: какое то сладостное наслаждение человеческими муками и страданиями; какой то садизм, который достиг пределов безумия и ненаказуемости. И такая безнаказанность, помимо многих других причин, главным образом содействует постоянному нарастанию садизма.

Следующие примеры дают об этом наглядное представление. Всякому, кто интересовался Советской Россией, памятно, конечно, имя Муравьева, бывшего командующего красной армией на чехословацкой границе в 1918 году, потом покорителя Одессы, которую должны были защищать греческие солдаты и, наконец, расстрелянного в Симбирске красноармейцами, заподозрившими его в измене. Я лично знал этого человека, о котором несколько месяцев трубили большевнические газеты. Высокий, с красивыми чертами лица, всегда изящно одетый и с приятными манерами — когда он считал это нужным — он с первого нашего знакомства произвел на меня впечатление типичного искателя приключений. До нашего знакомства я много слышал о его «деяниях» в Киеве и в Одессе, но всем этим слухам и рассказам я мало верил, так много в них описывалось бессмысленной жестокости. Я должен добавить, что то, что я здесь рассказываю, относится еще к началу 1918 г., т.е. ко времени, когда русский народ еще не привык к тем картинам ужаса, которые впоследствии ежедневно разворачивались перед его глазами и рассказы о которых, в особенности русской интеллигенции, вначале представлялись вымышленными и невозможными. Как часто приходилось мне вначале слышать от русской интеллигенции, что взводимые на большевиков обвинения, «само собой понятно», сильно преувеличены, причем подчеркивалось, что под наименованием «большевиков» интеллигенция отождествляла, как коммунистов, так и всех, состоявших на советской службе. Я молча улыбался. А немного спустя приходил ко мне тот же «интеллигент», не доверявший рассказам о большевической преступности, и утверждал, что все большевики — скоты, так как, состоя на большевической службе, он ежедневно является свидетелем сцен, доказывающих, какие они чудовища. Я не возражал и молча улыбался.

Но возвращаясь к Муравьеву. Как то после продолжительной беседы с ним я отправился к его «адъютанту» и тут я увидел картину, которая поднес запечатлелась в моей памяти. В отделении 1 класса, на запасном пути Курского вокзала в Москве, сидел молодой человек лет 20, в широких рейтузах и тесно обтянутой тужурке, который сразу предложил мне закурить и с ним позавтракать. Мы пили чай. Все пальцы адъютанта были

унизаны драгоценными бриллиантовыми кольцами, из верхнего кармана тужурки свешивалась дорогая, тяжелая цепочка и из кармана рейтуз выглядывало запиханное туда настоящее жемчужное ожерелье. Когда я заинтересовался этим и спросил «адыютанта», откуда у него все эти вещи, он совершенно серьезно объяснил, что все эти драгоценности привезены им из Киева, где «буржуазия и ее магазины были подробно осмотрены». «Что вы понимаете под словом осмотр?» спросил я. «Разумеется грабеж», ответил он совершенно спокойно и при этом подвинул мне под нос шкатулку, наполненную золотыми вещичками и драгоценными камнями. «Видите ли, жалования мы не получаем, т.е. не получаем его пока, так как штаты еще разрабатываются и законопроект еще не готов; вот, товарищ Муравьев и сказал: товарищи забирайте все, что можете, к черту наше жалование, бриллианты и золото лучше бумажных денег. Вот мы так и действовали». И действительно, Муравьевские красноармейцы поступали по этому рецепту везде, куда они приходили.

В каждом занятом ими городе взламывались запертые лавки и квартиры, жителей выгоняли, обыскивали, отнимали оружие и драгоценности и по собственному усмотрению, если кто не понравится, того тут же и расстреливали. В этом большевическом скопище царил полнейшая безнаказанность всех преступлений и, как я неоднократно мог наблюдать лично, у солдат Муравьевской армии все карманы были набиты золотом и все пальцы унизаны кольцами и драгоценными камнями. Так как я слушал «адыютанта» без возражений, то он становясь все откровеннее, наконец предложил мне поступить на службу к Муравьеву. «Не пройдет двух-трех месяцев, товарищ, сказал он, как у вас накопится от 10 до 15 фунтов золота... Это дело чистое». Я поблагодарил за такое предложение, но от такого «чистого» дела отказался...

У Муравьева встретился я, между прочим, с лейтенантом Раскольниковым, тогдашним народным комиссаром по морской части, молодым человеком лет 25, довольно сумасбродным, но необыкновенно нахальным и чрезвычайно элегантным. Этот зеленый юноша долгое время управлял у большевиков морским ведомством, но ни в чем не проявил своей деятельности, так как в то время у России уже не было военного флота. Впрочем, Раскольников расстрелял несколько десятков матросов. Он отправлял на тот свет всякого, кто ему не нравился. Со времени утверждения владычества большевиков такой образ действий стал обычным в Советской России. Каждый занятый красноармейцами город отдавался на два-три дня на расправу «победителям». Красноармейцы являлись господами города, грабили все, что хотели, расстреливали всех, кто по их усмотрению представлялся достойным расстрела, мучили и насиловали женщин и заставляли их голыми бегать по улицам.

В паническом ужасе, терроризированные жители пытались укрываться в прилегающих лесах, оставляя свои дома на разграбление красноармейцев.

Неоднократно приходилось мне видеть собственными глазами расстрелы. Расстреливали по одиночке или по несколько человек зараз — для большевиков число жертв не имело значения. Дело шло о «подозрительных» личностях, а подозрительным является всякий «свободный» гражданин «самого свободного государства в мире», поскольку такой гражданин позволил себе не одобрить распоряжений правительства... Большевические палачи могли бы, конечно, одновременно и сразу расстрелять всех осужденных. Но это делается совершенно иначе. Расстреливать их последовательно, одного за другим, с более или менее длительными промежутками, это, разумеется, гораздо интереснее и «забавнее»...».

«...Припоминается мне, как в качестве врача при красноармейском отряде, мне довелось быть очевидцем ужасающего зрелища. Мужики волочили за платье старую помещицу по всему дому и с криками и хихиканьем толкали и били бедную старуху. Остановить бесстыдное поведение озверелой толпы не было никакой возможности. Всякого кто произнес бы хоть одно слово осуждения этому неистовству, растерзали бы тут же на месте. Старая помещица была хромая и, как потом свидетельствовали сами крестьяне, была в высшей степени благородной и сострадательной женщиной. Во время войны она потеряла двух сыновей, которые в свое время пользовались любовью местного населения. Теперь же озверелая толпа избивала палками несчастную хромую женщину, колола ее вилами и, наконец, сбросила бездыханное тело с балкона в сад и тут же продолжилась бесстыдная потеха, пока, наконец, эти скоты увидели, что их жертва уже не дышит. После этого тело бросили в навозную яму и начался грабеж помещичьего дома, на что из трусости не решались на глазах хромой женщины! Тотчас же зарезали несколько коров, гусей, уткам и курицам свернули головы и несколько породистых лошадей, в бессмысленном порыве к уничтожению, просто застрелили. По окончании своей работы чернь разошлась по домам и уже на следующий день слышно было на деревне, как мужики между собой говорили, что по настоящему «напрасно» было убивать. Имение, о котором идет речь, было расположено в Орловской губернии и описываемое происшествие относится к 1919 году. Несколько недель спустя, эта деревня была занята Деникинскими войсками. Тотчас же мужики произвольно наметили из своей среды трех односельчан, которые и были выданы ими «белым», как убийцы помещицы, хотя несомненно в убийстве и грабеже участвовала вся деревня, вынесшая необычайный приговор, и после убийства мужики заставляли своих детей плевать в лицо убитой помещицы...

Подобные происшествия показывают, как проникла в душу народную зараза садизма. Толпа всегда остается толпой и бессовестным демагогом не трудно доводить эту толпу до *самых диких проявлений безумной жажды истребления и утонченного садизма*. Нравственный уровень толпы всегда бесконечно ниже нравственного уровня составляющих ее отдельных личностей, и поэтому толпа всегда остается средой, наиболее подходящей для того, чтобы претворить в действие *наносные винушения*. Большевики блестяще сумели *разнуздать все плетворные и преступные начала, дремавшие в душе русского народа*. *Большевический террор, по моему мнению, является ни чем иным, как широким разлитием той волны садизма, которым воодушевлено большинство комиссаров и их подчиненных*. Наверно многие читали роман известного французского писателя Октана Мибро «Сад мучительства», («Le jardin des supplices») в котором, до мельчайших подробностей мастерски описаны ужасы китайских тюрем с их утонченными пытками. Я убежден, что ужасающие описания заключающиеся в этом романе, вполне соответствуют тому, что в наши дни стало *обыденным явлением* в Советской России. Правда, в Советской России нет садов мучительства, но есть зато дома мучительства и смерти...

До сих пор имеются наивные люди, которые полагают, что расстрелы и казни прекратились в Советской России уже потому, что мол, все «контр-революционеры» уже давно расстреляны. Такое воззрение коренным образом ошибочно: несмотря на двухкратно объявленную отмену смертной казни, умерщвление непрерывно продолжается. Перемена заключается только в том, что теперь советское правительство не допускает более всенародных казней.

Встает передо мною, как сейчас, картина жизни, при которой мне пришлось присутствовать по обязанности службы, летом 1919 года в Латвии, в Вилиоках. Осужденный шел посреди улицы, со связанными за спиной руками, с какой то бессознательной улыбкой на лице, окруженный толпой очень весело настроенных латышских стрелков, которые наряжены для его расстрела; за этим шествием бежала толпа, состоявшая главным образом из женщин и детей, так как мужчины были на работе в поле. Тут толпа вела себя молчаливо и сдержанно. Осужденный, которому по прибытии, на место казни развязали руки, сам снял сапоги. Дело происходило на старом военном стрельбище, в конце которого была вытыра яма. Осужденному было приказано стать на краю этой ямы. Он молчал, глаза смотрели спокойно и на лице его, окаймленном светлорусой бородой, играла все та же мечтательная улыбка. Осужденный казался мне чрезвычайно симпатичным. За что же, спрашивается, подлежал он расстрелу?

Оказывается, бывши при старом правительстве полевым жандармом, он, вначале революции, разразившейся целым рядом преступлений, поджогов и грабежей, арестовал нескольких негодяев. Окончательное торжество переворота не только вернуло этим людям свободу, но еще возвело их на высоту власти. Таким образом эта казнь являлась самой низменной мстью. Этого человека, обреченного на смерть, обвиняли в том, что он «возбуждал народ против Советов» и, так как в России и в Латвии найдется сколько угодно свидетелей, которые за несколько фунтов хлеба готовы подтвердить все, что от них потребуется, то, понятно, виновность полевого жандарма была легко доказана. Осужденный стоял за ямой, у самого края. «Послушайте-ка, товарищ», сказал громко, с дьявольской улыбкой латышский окружной комиссар, «небось вы сами видите, что при таком положении вы после выстрелов не попадете в яму; станьте впереди ямы, так то лучше будет, да и поскорее... а то нам времени терять не приходится». Осужденный повиновался, обошел вокруг ямы и молча стал там, где ему было приказано. Продолжая улыбаться, он скрестил руки на груди, повернулся левой стороной навстречу пулям и остался в ожидании. Три латышских стрелка приложились и целились... Грянули выстрелы. Жертва покачнулась и упала вперед, ноги скользнули в яму, но туловище в согнутом положении оставалось на поверхности земли, вне ямы. Глаза несчастного оставались полуоткрытыми и из уст вырывались душу раздирающие стоны и рыдания. Оказывается, латышские садисты, с дьявольской преднамеренностью, всадили своей несчастной жертве все три пули в живот. Окружной комиссар расхохотался: «Вот так фокус, это на редкость: наполовину снаружи, наполовину в яме», сказал он, обращаясь к своим подчиненным. Вынув затем из кармана револьвер, он всадил жертве пулю в голову и пинком ноги столкнул тело в яму. Убитого засыпали землей, но без могильной насыпи. Грядущие поколения не должны знать о том, сколько тлеет мертвых по полям и лугам, по лесам и долам, о неведомых будут они всем, когда исчезнут последние свидетели их умерщвления.

III

Таких зрелищ, какие описаны мной в первых двух главах, вы теперь более в Советской России не увидите. Всенародные расстрелы в Советской России прекращены или стали столь редки, что являются скорее исключениями. Смертоубийства несомненно продолжают, но уже совершенно иными приемами, чем в начале большевического владычества. Советские правители при

своих кровавых расправах решили избегать гласности... Ночью подъезжает к дому грузовик. Раздается оглушительный звонок, обитатели дома поспешно одеваются и осторожно отворяют дверь. Трое или четверо вооруженных людей спрашивают имя стоящего за дверью. Изнутри следует ответ. «Так и есть, говорят вооруженные, идите с нами». «Боже Милостивый, куда же это?» слышно из двери. «Так, пустяки, вас подозревают в заплотении спекуляцией, вас требуют к следователю». «Следует мне взять с собой что нибудь, доказательства моей невиновности, или вообще еще что нибудь?» «Ничего не надо, только вы не ломайтесь, через несколько часов будете дома!» На улице потревоженного от сна человека ожидает грузовик, как котором из сколоченных досок устроено закрытое помещение. Открывают дверку и арестованного вталкивают в темное помещение, откуда несутся ему навстречу визги, стоны, рыдания и молебны... Вновь пришедшего окружают дрожащие фигуры. Грузовик тотчас снимается с места. Спустя немного времени грузовик снова останавливается на какой то улице и опять, на этот раз, после упорного сопротивления, вталкивают какого то несчастного. Так повторяется несколько раз. Затем после продолжительного, безостановочного переезда, грузовик, наконец, останавливается. Сидящие взаперти слышат извне громкие, повелительные голоса: их вооруженные спутники уже не говорят более шепотом, как в городе. Дверь отворяется. «Товарищ Петров, слезайте», — раздается грубый голос. Дрожащие плачущие люди, запертые в грузовике все сразу затихают и, из рядов своих товарищей по несчастью, с трудом, медленно, боязливой походкой протискивается маленький, слабенький человек, с растерянным выражением на лице. Несчастный слезает. Кругом глубокий лес. Всякий хорошо знающий Москву сразу узнал бы, что он находится в Сокольниках, в городском сосновом лесу... Недалеко отсюда протекает маленькая болотистая речка Яуза и протекает дорога на Богородское. Маленький, слабенький человек дрожит на морозе. Но, не давая ему опомниться, товарища Петрова обхватывают несколько сильных рук и тащат его вглубь великолепного, блистающего серебристым инеем леса. В воздухе кружатся легкие снежинки и порой из-за туч выглядывает полный месяц, обливая мертвым блеском снег и деревья. Но для бедного товарища Петрова красота природы уже не существует. Он говорит тихим надорванным голосом: «зачем же это, голубчики, что я вам сделал. ведь я ни в чем не виноват». С несчастного человека срывают его черное чиновничье пальто. «Оставьте, ради Бога», умоляет несчастный, «мне так холодно». «Смирно! молчать!», кричит на него красноармеец... Вслед за этим немедленно раздается выстрел. Товарищ Петров лежит на снегу с лицом залитым кровью

и его холодеющие руки сводит предсмертная судорога. «Сейчас кончится», невозмутимо говорит красноармеец другому, стоящему рядом, собиравшемуся спустить на лежащего второй заряд. Несколько секунд царит полная тишина. «Васильев!» раздается внезапно у двери грузовика и опять из этой колесницы смерти вылезает человек, который через несколько минут будет мертв. Так следуют один за другим, пока снег не окрасится кровью всех привезенных в грузовике. Когда со всеми покончено, убитых раздевают до гола, платье и сапоги складывают в грузовик, а трупы поспешно зарывают. Это работа не легкая, при мерзлой земле, которую трудно раскапывать. Но закапывать глубоко и не требуется, надо же и собакам дать пожить, да к тому же уже поздно, а в эту ночь предстоит еще вторая, такая же работа...

Ночь. Заключенные в Чека спят тревожным, болезненным сном, который не дает отдыха. Вдруг открывается дверь камеры и чекист, с фонарем в руке, громким, грубым голосом окрикает: «вставать, вещи собирать! всех сейчас переводят в другую тюрьму. Во дворе построиться!» Все поспешно укладываются и выходят во двор. Среди двора стоит грузовик и несколько мотоциклеток. Арестованным — их счетом 15 — приказывают построиться! «Тут, вдоль стенки, я буду вызывать поименно», говорит чекист. Из темноты двора выступают 15 служащих в Чека и каждый из них занимает место против одного из арестованных. «Ходу», громко командовал комиссар и немедленно поднимается голушительный шум. Комиссар подает знак, у каждого из чекистов блестит в руке револьвер, раздаются выстрелы, заглушаемые стуком машин. И затем сразу полная тишина...

Мертвых и полумертвых торопливо волочат по земле и сваливают один на другого на грузовик. Нагруженный автомобиль выезжает с темного двора и трупы зарывают где либо неподалеку за городом. К утру грузовик возвращается, весь обгаренный кровью. Его тщательно моют и чистят для того, чтобы с первыми лучами восходящего солнца он, блестящий и чистый — как символ коммунистической чистоты — мог выехать и развозить по городским улицам тюки прокламаций, предназначенных для советских подданных и вещающих о любви и взаимном уважении.

А вот другая картина. В главной тюрьме города Нин'олаева, в нижнем этаже, устроен длинный, постоянно ярко освещенный переход, в боковых стенах которого нет ни одной двери, но проделаны небольшие отверстия, достаточные для того, чтобы вложить в них дуло револьвера. В одном конце перехода имеются двери в тюремный двор. В один прекрасный день, одному из

приговоренных, так называемому «контр-революционеру», или так называемому «спекулянту», не знающему, что он приговорен к смерти, говорит: «ступайте вниз во двор, вам позволено погулять полчаса». Заключенный, которому до сих пор еще ни разу не было дозволено выйти из камеры радостно хватается за шапку и стремительно спускается в проход чтобы выйти на тюремный двор. Никто его не сопровождает. «Слава Богу, наконец то я один и без надзора», думает бедняк, идя по переходу. А в это время, в одно из стенных отверстий внимательно следят за каждым его шагом и когда он достиг середины перехода, он падает сраженный в голову выстрелом из револьвера. Его товарищи по заключению не знают, что с ним случилось и даже при самых мрачных предположениях, никто из них не подозревает, что насильственная смерть постигла их сотоварища вблизи от них, в ярко освещенном коридоре. Завтра наступит такой же черед другому. Это называют большевики гуманным и заботливым отношением к заключенным.

В мае 1919 года, когда большевические войска были выгнаны из Латвии, в городе Вендене, знаменитом древними развалинами замка, построенного Орденом немецких меченосцев в 1224 году, разыгралась следующая сцена в городской тюрьме. Враг был близко, красноармейцам было необходимо бежать и каким нибудь способом вывести арестантов. Поезда шли переполненные бегущими на восток красноармейцами. Поместить арестованных в вагонах было невозможно. В числе сотни арестованных имелись и такие, которые уже были по суду оправданы... «Товарищи», не долго думая, просто решили расстрелять всех и для того, чтобы это шло скорее, расстреливать по три-четыре человека зараз. Арестованных разбили по группам, первую из них вывели во двор и приставили их к садовой стенке, имевшей около двух метров высоты. Когда осужденные, при виде револьверов у сопровождающих, поняли, что им угрожает, они в последнем отчаянном порыве энергии бросились к стенке, пытаясь через нее перелезть. Тут началась бойня и один за другим, обливаясь кровью, падали со стены несчастные на землю, где их беспощадно приканчивали. Только одному из заключенных удалось перепрыгнуть стену и, несмотря на немедленное наряженное преследование, его не смогли поймать. После этого, в продолжении всей ночи заключенных по одиночке выводили на двор и расстреляли всех до последнего. После каждого совершенного убийства латышские палачи кричали: «следующему выходить, живо! к утру дом надо очистить, ремонт требуется». Большинство жертв большевических убийц были крестьяне и рабочие... Недаром Советское правительство именуется рабоче-крестьянским правительством.

Вполне соглашаясь с автором этой статьи, что «большевический террор является широким разлитием той волны садизма, которая воодушевляет большинство комиссаров и их подчиненных», я нахожу, однако, несправедливым отождествлять этих комиссаров с русским народом, во-первых потому, что среди этих комиссаров были, почти исключительно жида, а во-вторых потому, что приемы ими допускаемые способны были бы превратить в зверей не только русских крестьян, но и наикультурнейших европейцев. Утверждение, что «большевики блестяще сумели разнуздать все тлетворные и преступные начала, дремавшие в душе русского народа правильно, но следует оговориться, что эти начала присущи не только душе *русского народа*, но и всякой душе и, при том, даже безотносительно к уровню ее «образования», и, если не выходят наружу, то только потому, что их *насилые не пускает* магическое — *нельзя*. Только святость искореняет зверя в человеке, глубоко притаившегося в шедрах души, и сколько чекистов скрывается и под смиренными рясами монаха, и под блестящими золотыми мундирами, и под изящными смокингами и фраками, белыми галстуками и перчатками, сколько злобы и жестокосердия — под кроткими личиками милостивых барышень, порхающих как бабочки в своих газовых платицах, или кружащихся в вихре вальса в великосветских салонах, говорящих о цветах, а думающих о крови, о том, чего *нельзя*.

Традиции поколений, светское воспитание, обычаи, среда, образование — способны были только до некоторой степени *запугивать* зверя в человеке, но не укрощать, тем меньше убивать его. Убивала этого зверя только *святость*, а укрощала — *власть*, назначением которой являлась борьба со злом и служение добру. Там же, где власть бездействовала, или ее назначением являлась борьба с добром и служение злу, там зверские начала, заложенные в природе человека, не только просыпались, но и культивировались.

Вот почему я думаю, что «садизм» явился не причиной, а результатом большевических приемов власти. Причиной же описанного нами массового озверения была *безнаказанность* преступлений, возведение их даже на высоту гражданского долга, отсутствие юридической ответственности, та именно свобода, о которой так громко кричали либералы, о которой «прогрессивная общественность» так болезненно тосковала.

Замените слово «*нельзя*» словом «*можно*» и вы увидите, что все ужасы, творимые чекистами в России побледнеют перед теми, какие наступят в самых культурных центрах Европы. Этот момент приближается, но Европа его не замечает.

«У нас, гордо заявляет она, это *невозможно*».

Посмотрим!

С какой бы стороны не рассматривались описанные нами ужасы, они будут всегда казаться не только зверством, но и зверством бессмысленным. И однако, они имели великий смысл для той таинственной организации, которая преследовала только одну цель — уничтожение всего образованного и культурного класса людей России, дабы исчез ее мозг, руководитель и выразитель ее идеалов и стремлений, дабы обескровленная и обессиленная Россия не служила бы помехой для дальнейших завоеваний жидовства, обрекавших на гибель всю христианскую культуру и подготовлявших наступление всемирного иудейского царства.

К этим целям жидовство стремится повсеместно, на протяжении веков, и большевистство в России является для всех знакомых с историей лишь коллективным натиском жидов, сосредоточенным на одном месте и приуроченным к одному моменту, и не составляет нового явления, ни по своему содержанию и сущности, ни даже по своим формам.

ГЛАВА 33

г) ГПУ

«Пусть вымрет 90% русского народа, лишь бы осталось 10% к моменту всемирной революции» — эти слова Ленина являлись основной задачей советской власти в каких бы формах она ни проявлялась, под какими бы видами она ни скрывалась. Эта же задача еще более откровенно была подчеркнута Центральным комитетом, где один из ораторов формулировал ее в таких выражениях: «Смерть буржуям мы должны осуществить на деле. Мы должны убивать не только некоторых представителей буржуазии, но должны раздавить весь буржуазный класс целиком во всей его массе».

Пришел однако час, когда даже столь грубо нечувствительная и преступно беспечная Европа, в лице своих лучших людей, встала от ужасов чрезвычайки, когда страшное слово «чека» стало колебать престиж советской власти за границей, и сквозь непроницаемые покровы советской лжи стали просвечиваться истинные контуры советского рая, смутившие даже заграничных коммунистов. И... тогда большевики торжественно оповестили не только об упразднении «чеки», но даже об отмене смертной

казни. «Чека» превратилась в Государственное Политическое Управление, иначе в ГПУ, а смертная казнь была заменена «высшей мерой» наказания. Основанием для таких превращений выступали во-первых, минование гадобности в применении репрессий ввиду того, что страсти уже улеглись и Россия вышла из состояния гражданской войны, и во-вторых, признание нового режима населением, начинавшим якобы привыкать к новым порядкам и постепенно освобождающимся из под гипноза прежних предрассудков.

И в Европе действительно находились люди, которые верили этой наглой лжи, и не только сами верили, но и других убеждали в том, что, если русский народ не свергает советской власти, значит ею доволен, значит она вполне соответствует «природе» и требованиям населения.

Процесс Конради и Полунниа в Лозанне и бессмертная речь адвоката Обера, сорвавшие маску с советской власти в России, показали всему свету дьявольский лик этой власти, возведя убийство Воровского на высоту героического подвига людей, перед которыми с величайшим уважением, преклонились все честные люди, и однако Европа не только не верит советской лжи, но и пользуется этой ложью, извлекая из нее свои выгоды. А между тем достаточно только развернуть советские газеты для того, чтобы убедиться, что скрывали за собой все эти замены и превращения, все эти переименования.

Советская «Правда», от 18 октября 1918 года, восклицает: «Лозунг «вся власть Советам» должен быть заменен другим: «вся власть Чека». В той же газете, от 17 декабря 1921 г., Дзержинский пишет: «Чека была верным часовым революции. Ее бдительное око было повсюду. Явилась необходимость изменить нашу чрезвычайную организацию и было создано Г.П.У. Был сохранен тот же механизм, но только усовершенствованный...»

«Чека, говорилось на IX съезде советов 24 декабря 1921 г., это основа большевистической власти и, если мы вышли победителями в борьбе с белыми армиями, то исключительно потому, что чека сделала невозможным восстание внутри».

«Если мы уничтожим чека, то власть советов сама подрубит сук, на котором она сидит», говорилось на том же съезде.

Как это вяжется с «народными» ликованиями, приветствовавшими революцию, создавшую «по воле народа» столь долгожданное «рабоче-крестьянское правительство»!

Само собой разумеется, что переименованная в ГПУ, «чека» сохранила все прежние функции, весь личный состав своего управления и изменила только свою вывеску.

«Меч», которым вооружили Чека, оказался в надежных руках, но буквы ГПУ настолько же страшны для наших врагов, как и

буквы Ч. К.», сказал Зиновьев (Апфельбаум), и он сказал правду, ибо ужасающий террор ни на минуту не прекращался и господствует в России теперь также, как и в 1917 году, цинично открыто, с той только разницей, что о нем не трубят в газетах. Но казни совершаются не только в ГПУ, в их подвалах, но и открыто, не только ночью, но и днем, а случаи бесследно исчезающих людей еще более участились и судьба их остается никому неизвестной. Вот газетные вырезки за 1923 и за 1924 года, подтверждающие наши утверждения.

«Итальянский социалистический представитель Александри, недавно возвратившийся из России, опубликовал открытое письмо, в котором заявляет о том, что итальянские социалисты сильно грешат, когда проявляют свои симпатии к Советам. По его данным в России сейчас имеется не менее 60 000 политических осужденных. Ошибаются те, которые думают, что между этими осужденными преимущественно люди из общественных кругов, поддерживающих старый режим. Напротив, из осужденных 60 проц. рабочие и только 25 проц. представители аристократии и 15 проц. представители интеллигенции.

Пытки в тюрьмах обычное дело. Многие заключенные помещены в ужасных подвалах без окон и возможности проветривания помещений. Между осужденными находится много социалистических вождей. Если тюрьмы переполнены настолько, что в них не могут быть помещены новые заключенные, тогда старые заключенные просто уничтожаются для того, чтобы освободить места для новых.

Больницы для умалишенных переполнены. Психические больные здесь без всякой жалости предоставлены сами себе. Только от времени до времени туда заходит прислуга для того, чтобы выбросить трупы умерших от голода или убитых другими несчастными больными.

Смертные казни приводятся в невероятным произволом. Недавно одна комиссия установила, что в течение прошлого года 22 518 политических преследуемых были самовольно убиты без какого бы то ни было суда.

Многие тысячи лиц, числящихся «на подозрении» умерли в страшных лагерях для интернируемых.

В народных массах господствует всеобщее возмущение против советских властителей. Несколько высоких советских лиц открыто заявили, что в России ежедневно уничтожается по несколько сот крестьян, вследствие бунтов и восстаний против советской власти».

Итальянского социалиста нельзя заподозрить в излишнем пристрастии к России и его отношение к русскому народу может и не быть таким, которое уместно для славянина. Вот почему

это открытое заявление итальянского деятеля, продиктованное естественной человечностью и, конечно, не исчерпывающее всей ужасной картины современной русской жизни, приобретает особое значение. Это заявление лишний раз подтверждает наше постоянное утверждение, что советская власть есть лишь шайка международных преступников, а Россия в их руках — великая тюрьма...» Н.Р. (Нов. Врем., 1 августа 1923 г., № 677).

«...Сейчас говорят, что в коммунистических верхах неладно: единство партии нарушено. Из Москвы передают: «политическая атмосфера насыщена, раздоры в партии увеличиваются, в то время как в народных и рабочих массах нарастают настроения недовольства и открытого возмущения.

Центральный комитет компартии выпустил симптоматическое воззвание, в котором заявляет: «Нам придется пережить снова суровые дни. Мы должны серьезно подумать об обороне. Наша оборона это прежде всего дружность, дисциплинированность, стойкость рабочих рядов. Мы должны чрезвычайно внимательно следить за всем... Мы должны очень чутко прислушиваться к голосу рабочих масс и исправлять искривления и недостатки нашей политики».

Экономический кризис давит на заработную плату. Но мы не должны допускать ее падения. Больше чем когда бы то ни было, необходимо предостеречь: волокиту, чванство, бюрократизм, задиранья и прочие болезни, которыми, к несчастью, болен наш государственный аппарат. Необходима немедленная широко разъяснительная кампания о нашем внешнем и внутреннем положении. Внимание к массам — наш очередной партийный клич».

Вожди коминтерна, повидимому, не постесняются еще раз отвлечь общественное внимание «опасностью извне».

И эта неуверенность не только в завтрашнем, но и сегодняшнем дне менее чем когда бы то ни было, сейчас видна в их безумном терроре. пытки, террор и расстрелы невинных людей в России не прекращались ни на минуту и все разговоры о том, что большевики теперь уже не те, что их методы управления не так жесток, как были раньше, все такие разговоры — бессовестная ложь, гнуснейшая провокация в пользу большевиков.

Из числа многочисленных случаев пыток и истязаний, относящихся к последнему времени, укажу на хорошо известное мне дело проф. Таганцева. Его перед расстрелом пытали тем, что не давали пить. Под конец он пил собственную мочу и впал в полубессознательное состояние, находясь в котором, оговорил ни в чем не повинных лиц. Так, по сведениям большевистской прессы, по его делу было расстреляно 64 человека, между тем точно известно, что в действительности было расстреляно 365 чел.

Расстрелы заключенных в петербургских тюрьмах производятся теперь под Петербургом на артиллерийском полигоне. Всех обреченных на смерть мужчин и женщин, в какой бы тюрьме они не сидели, перед расстрелом переводят в бывшую женскую тюрьму на Выборгской стороне. Там имеется особый этаж, так называемая «галерея смертников». Время пребывания таковых в этой галерее различно: некоторых сейчас же расстреливают, другие сидят месяцами и даже годами. Положение обреченных ужасное: очень часто на теле ничего, кроме вшивой шинели, нет: голод неопишлем.

Когда говорят о том, что большевистский строй ужасен и гнусен, то испытываешь какое-то неловкое чувство, точно говоришь азбучные истины, которые всем известны и в доказательстве не нуждаются. Однако сколько есть на свете людей, искренно верящих советским заверениям, пышным декларациям, амнистиям и прочей бумажной «эволюции!» (Там же, 21 дек. 1923 г. № 798).

«По словам иностранца, прибывшего на днях в Варшаву, во всех больших городах (Москва, Петербург, Харьков, Ростов на Дону и др.), в которых ему пришлось побывать, царит чрезвычайно напряженная и тяжелая атмосфера. Над всеми проявлениями жизни, над всеми ее областями царит невидимое, но вездесущее и грозное ГПУ. Это учреждение разрослось, распухло до невероятных размеров и нити его связей пронизывают толщу населения по всем направлениям. Буквально нельзя никогда знать, разговариваешь с человеком или имеешь дело с агентом ГПУ. Этой колоссальной организации нужно себя оправдать и обеспечить, а поэтому в виду общей забитости и подавленности населения, делающей весьма редкими всякие случаи действительных заговоров и злоумышлений, ГПУ приходится ити провоцировать — создавать таковые, или же вспоминать старые, давно забытые «грехи», в роде взятки, данной 4-5 лет тому назад и т. п. Так как в ненормальных условиях советского существования подобные «проступки» числятся решительно за всеми то, естественно все опасаются за свою участь и ждут расправы. В особенности это угрожает всем мало-мальски состоятельным людям. В подобных условиях всякая общественная и даже коммерческая деятельность становится абсолютно немислмной. Промышленная и коммерческая жизнь прозябает. Все толки бол-левиков о расцвете промышленности — леф, рассчитанный на незнание иностранцев с истинным положением вещей. Отремонтировать один станок какого-либо имени же в конце разрушенного завода, большевики поднимают вокруг этого события такой гвалт, как будто бы они построили заново целый завод, умалчивая о целом кладбище фабрик, какое представляют

собой ныне промышленные центры России. Надо заметить, что даже об Эрмитаже и Исаакьевском соборе, даже о Черном море и Уральских горах, большевицкая пресса пишет в таком тоне, как будто они изобретены, построены и сделаны большевиками и до них и без них не существовали. («Новое Время», 16 марта 1924 г., № 867).

После всего описанного было бы даже странным делать попытку исчислять количество казненных. Совершенно очевидно, что такое количество нужно исчислять не десятками или сотнями тысяч, а миллионами. Если трупами казненных кормили диких зверей в зоологических садах, если, несмотря на это они валялись на улицах и площадях в таком количестве, что потребовалось даже специальное распоряжение об убийстве собак, которые «попробовав человеческого мяса, становились опасными», если, наконец, это мясо стало продаваться на рынках и развилось людоедство, то можно себе нарисовать цифру жертв чудовищной «чрезвычайки»... А сколько людей кончило жизнь самоубийством, сколько миллионов погибло от голода и болезней этим голодом вызванных, от нравственных пыток и терзаний?!.. Сделать такой подсчет очевидно невозможно.

Но я и не задаюсь этой целью... Моя задача иная... Я желаю доказать, что «рабоче-крестьянское» правительство Советской России стремилось уничтожить рабочих и крестьян так же, как и буржуазный класс населения, ибо его целью было — *истребление русского народа*, как главного оплота христианской культуры. И хотя моя задача еще не исчерпана, ибо в дальнейшем будут приведены еще новые доказательства этого положения, но я надеюсь, что и собранного материала достаточно для того, чтобы признать мои выводы обоснованными.

ГЛАВА 34

II. Голод и его причины

Другим способом истребления христианского населения России было искусственно вызываемый мерами Советской власти голод, разросшийся до размеров небывалого стихийного бедствия, погубившего десятки миллионов людей.

Ссылки большевиков на неурожай столь же бессовестны, как и все прочее, исходящее от советской власти. Голод был вызван *умышленно* и это видно из того, что население вымирало от голода в наиболее цветущих и плодороднейших губерниях и тем

сильнее, чем выше были урожаи. И потому, что выше были урожаи, тем сильнее советская власть грабила население, лишая его даже семян на осеменение полей.

Вызван был голод следующими причинами:

1) Истреблением помещиков и уничтожением крупного землевладения,

2) Социализацией земли и непомерными налогами, что сразу же сократило посевную площадь более чем на половину,

3) Открытым грабежом хлеба путем насильственного захвата его для нужд красной армии, что вызвало повсеместно массовые восстания, подавляемые самыми беспощадными мерами и сплотиным избиением беззащитного и голодного населения,

4) Вывозом хлеба за границу в количестве, обрекавшем население на голодную смерть.

В числе способов, применявшихся советской властью для истребления русского народа голод играл, таким образом, ту же роль, что и «чека» и карательные отряды, тюрьмы и больницы, где под разными видами производилось все то же избиение населения.

В дальнейшем я останавливаюсь на каждой из указанных мною причин голода подробнее, пока же хочу обратить внимание на ту исключительно огромную государственную роль, какую в земледельческой России играло крупное землевладение и какую даже русское царское правительство, состоявшее большей частью из чиновников, не учитывало в должной мере. Странно, что даже в дореволюционной России сословие помещиков, этой единственной опоры государственности на местах, было гонимо и постепенно обрекалось на вымирание, под влиянием модных теорий о предпочтительности общинного землевладения и тенденций к развятию мелкого землевладения. Сотни тысяч десятин земли переходили ежегодно в крестьянские руки параллельно с разорением помещиков и уходом их в города, где они превращались в чиновников, ослабляя землевладельческую мощь России. Между тем снабжение городов и экспорт производился не крестьянами, владевшими в общей сложности тремя четвертями всей земельной площади России, а помещиками, владевшими только одной четвертью. Не только благосостояние России, но и всей Европы находилось в зависимости от культурного состояния помещичьих хозяйств и с уничтожением последних голод являлся неизбежным. Для восстановления России и экономического равновесия Европы нужно не закрепление за крестьянами захваченных ими помещичьих земель, не узаконивание грабежа, а восстановление крупного землевладения. Такое немыслимо без широкой государственной помощи землевладению, без образования земледельческих союзов и обществ, без мелнораций, словом без

культурного элемента в деревне, способного войти в связь с Америкой и Западной Европой и пользоваться их кредитами. Жиды прекрасно учитывали роль помещиков в России и, уничтожая их, знали зачем это делали.

Вот несколько картин, ставших возможными в России с воцарением жидовской власти:

«В связи с наступившим голодом, население в наиболее неблагоприятных Приволжских губерниях целыми толпами подымается и движется в менее голодные области. Для воспрепятствования продвижению голодающих высылаются советские отряды, но зачастую они отказываются от выполнения возлагаемой на них задачи... По сведениям московской «Правды» за № 137, — голодающих насчитывают до 25 миллионов... Безнадежное состояние железнодорожного и гужевого путей в России, очень затрудняют задачу борьбы с голодом»... (Ежедельник Высш. Моиарх Сов., № 1, от 14 авг. 1921 г.).

«Самарский Исполком обратился к крестьянам с воззванием. Указав, что голод является последствием присущих краю периодических засух, воззвание дает целый ряд советов крестьянам. Интересно отметить §3: «приостановить переселение коренных жителей куда глаза глядят, *надо на месте пережить трудное время*». §4: «приостановить поездки отдельных лиц за продовольствием. Тысячами едут, везут свое имущество на продажу, мытарствуют и распродают свое имущество за бесценок, запружают железные дороги». §5: «помочь власти уничтожить бандитов, коими с марта месяца разграблено до миллиона пудов хлеба»... (Там же, № 2, от 21 авг. 1921 г.).

«Lokal Anzeiger» печатает выдержки из письма немца поволжского колониста, рисующие картину страшного голода: «Мы съели последних своих собак, кошек и крыс. Мы питаемся падалью убитой в прошлом году скотины. В нашей деревне ежедневно умирает 5-6 человек. Если вы нам не поможете, мы все перемрем»... (Там же, №3, от 28 авг. 1921 г.).

«В районе Старого Оскола произошло кровавое побоище между местными крестьянами и крестьянами, прибывшими из голодных губерний»... (Там же, №5, от 11 сент. 1923 г.).

«Волна голодных крестьян уже докатилась до Москвы... вид у людей ужасный: впалые щеки, темный цвет лица, ввалившиеся глаза и страшная худоба тела. Особенно ужасен вид детей: это живые мертвецы... по всем дорогам видны группы (семейства) еле плетущихся, каких то полу живых людей. Одежда — лохмотья... В Советской России организуются специальные отряды для вооруженной борьбы с толпами голодных;двигающихся на Москву. Отряды эти достигают 50 000 человек». (Там же).

«Письма из России говорят о все растущем голоде в Поволжье. На улице часто целыми днями лежат распухшие трупы умерших от голода людей, в лучшем случае они к вечеру убираются. Очевидец описывает душераздирающую сцену, происходящую на одном из вожских пароходов: сумасшедшая мать, утопив трех своих детей, металась по пароходу, проклиная большевиков и угрожая им кулаками, пока не была арестована местной «чека».» (Там же, №7, от 25 Сентября 1923 года).

«Советские издания изредка сообщают о смертных случаях от голода. В Бугуруслане Самарской губ. «на почве голода» заболело 613 человек, из которых умерло 355 чел.; в селе Старицком «Красноармейского» уезда Царицынской губ. умерло 31 чел. (Петр. Правда от 24 сент.).

«В Балашове 4500 маленьких детей умирает в три недели... У киргизов 2 миллиона голодающих. Матери, доведенные голодом до отчаяния убивают своих детей, пожирая их трупы»...

Опозоривший свое имя дружбой с советской властью Фритьоф Хансен, сведения которого уж никак не могут быть преувеличенными, сообщает в своем докладе, что «голод захватил 19 000 000 человек, из которых 15 миллионеров приговорены к голодной смерти. В Самарской губ. были арестованы две женщины, которые убили старых бродяг и съели их мясо. В Пугачевском уезде дошли до того, что жарили трупы, вырытые с кладбища. В одной деревне мать раздала своим трем дочерям труп своей старшей дочери, умершей от голода. В Минске были случаи, что матери убивали собственных детей, чтобы избавиться их от мук голода. В Новороссийске одна мать утопила своих детей. В Башкирской республике едят конский помет. В Симбирске крестьяне собирают болотные водоросли и едят их, перемешивая с навозом.»

«Из Гельсингфорса сообщают об анархии, царящей в Поволжском районе. Советская власть не торопится с эвакуацией голодных. Толпы голодных продолжают бродить из одной местности в другую, объединяясь иногда в более значительные группы. Комиссар по эвакуации Сафронов ловко устроил вблизи Симбирска столкновение двух таких групп, в результате чего было много убитых и раненых. Под конец появились красноармейцы и нагайками разогнали обессиленных и голодных людей».

«В Петрограде отмечают наплыв беженцев из голодных губерний. Вот что по этому поводу говорится в том же письме: «Теперь в наш дом нагнали массу беженцев из голодных губерний. Что это за ужас. Это скелеты, обтянутые кожей — до того они истощены и грязны. Карета и автомобиль скорой помощи приезжают к нам по пять и больше раз в день, увозя больных и мертвых. Они мрут от дезинтерии, холеры, а чаще от того, что

набрасываются на хлеб и с голодухи объедаются. Паразитов снимают с себя чуть не горстями, тут-же, среди двора, снимая рубахи. Мы все боимся зимой сыпняка. Ужаснее всего, что в нашем доме их долго не оставляют, а распределяют куда то, а к нам прибывают все новые и новые партии с новой грязью и новыми тучами паразитов»... (Там же, №11, от 23 октября 1921 г.).

«В Праге получены известия из советской России о колоссальном росте преступности на почве голода. За последние два месяца было арестовано и предано революционному трибуналу 25 000 человек, из которых 22% совершили преступления в погоне за продовольствием, прочие судились за пропаганду, участие в восстаниях и прочие политические преступления». (Там же, №12, от 30 октября 1921 г.).

«Население Сибири отказывается принять к себе голодающих из средней полосы России и Поволжья. В Челябинске сосредоточено до 50 000 голодающих детей...» «По словам капитана шведского парохода, прибывшего из Петрограда, в городе находится 100 000 беженцев из голодных местностей.» (Там же, №13, от 6 ноября 1921 г.).

«Владивостокские газеты сообщают, что на Амуре обозначился голод. Богатейший и хлебоброднейший край стоит перед призраком подлинного голода. По большевническим подсчетам, краю, до нового урожая, не хватит слишком 1 850 000 пудов хлеба». (Там же, №16, от 14 ноября 1921 г.).

«Советское Роста сообщает, что в Пермской губ., еще в прошлом году, давшей миллионы пудов хлеба, теперь голодает свыше 150 000 человек. В Новониколаевской губ. голодает более 55 000 детей». (Там же, №17, от 21 ноября 1921 года).

«Бежавшие из Поволжья рассказывают, что в голодных местностях власти принуждены охранять кладбища, чтобы прекратить раскапывание свежих могил, производимое голодающими в поисках пропитания»...

«Большевический «Новый Мир» сообщает: «По последним сведениям, голодные бедствия в Одесской губернии не уступают голоду в Поволжье. Зарегистрированы случаи самоубийства на почве голода»... (там же, №20, от 12 декабря 1921 г.).

«По сведениям из России, на почве голода сильно развились эпидемии сыпного и брюшного тифов... «Правда» и «Известия» помещают сообщения об ужасах голода, — многие деревни вымерли окончательно... Истощенные организмы не в силах бороться с болезнями, отчего % смертности увеличивается с каждым днем... По советским источникам, детская смертность в «городке Марква» дошла до 35 человек ежедневно». (Там же, №25, от 9 янв. 1922 г.).

«Голод на Украине принимает все более угрожающие размеры. Он начинает охватывать даже Полтавскую губ., где урожай был удовлетворительный. В Новороженской волости Константиноградского уезда насчитывается до 3 000 голодающих, 17 человек умерло с голоду. В Гришинском уезде Донской области на 1 января записано 6 000 голодных, большинство из них дети. В трех волостях этого уезда зарегистрировано 217 случаев смерти от голода. От последствий голода заболело 720 человек. Население питается суррогатами, смешанными с глиной.

В Одессе свирепствует голод. Почти каждый день на улицах наблюдаются случаи смерти от истощения. В Кляровской волости Днепровского уезда население доведено до отчаяния, — жители питаются кошками, собаками, морскими отбросами, кожами. В Запорожской губ. наблюдается массовое бегство в урожайные губернии». Газета «Красный Николаев» сообщает, что по всем станциям от Харькова до Николаева слышны душераздирающие крики голодных детей. Обезображенные голодом, с тощими ручками и ножками, с большими отвислыми животами, дети эти бродят по деревням в поисках за пропитанием. Подбирают всякие отбросы, дерутся и вырывают друг у друга кусок хлеба случайно найденный или данный им. Матери подбрасывают своих детей; детские дома не в состоянии часто принять голодного ребенка вследствие отсутствия места и возможности их пропитать». «Правда» (№ 28) сообщает некоторые сведения о положении крестьян в районе Николаева. Голодающих зарегистрировано до 500 000, замечается повальный падеж скота от безкормицы. По сведениям губземотдела к весне на каждые 100-120 десятин придется по одной лошади... (Там же, № 29, от 13 февраля 1922 г.).

Известия, получаемые из голодающих районов России, рисуют картины, полные ужаса. Длительная голодовка, наравне с дикой непримиримой ненавистью к виновникам этих несчастий, — социалистам, доводит некоторых крестьян до полной апатии, равнодушия и покорности перед судьбой. Прибывшие из России вместе с Нансеном его сотрудники рассказывают, что ими наблюдались следующие случаи. В одной деревне они видели как крестьяне, одевшись в чистое белье, забирались в печку и, укрывшись шубами, лежали в полном безмолвии. На вопрос, что они делают, получался ответ: «ест; больше нечего, жить все равно осталось один день, смерти ждем». Часты случаи, что целые семьи вымоются в бане, пустят угар и с молитвою к Богу медленно умирают. Ужаснее всего то, что на будущий год нужно ожидать еще худшего голода, который охватит уже не местность, населенную 30-ю миллионами, а пол России. Мосива, «сердце России», — представляет из себя позорную и жалкую картину.

В жизни города две стороны, совершенно противоположные одна другой. В то время, как одна часть населения роскошествует, пьянствует и развратничает, другая — постепенно вымирает, занятая лишь вопросом раздобывания хлеба насущного, не интересуюсь окружающим, живя лишь изо дня в день.» (Там же).

«Из одного из окраинных государств нами получено письмо, выпукло рисующее изменение в настроении, происшедшее в среде крестьян со времени революции. «Недавно я встретился со старым другом, которого не видел со времени злосчастной революции. Помещик N-ской губернии, он всю свою жизнь провел в своем имении и весной 1917 года, во время нашей последней встречи, уехал к себе, убежденный, что крестьяне, памятуя его отличное к ним отношение и постоянную помощь, дадут ему возможность заняться хозяйством. Ему рисовались даже возможности, пользуясь своим влиянием, продолжать руководить жизнью ближайших деревень и этим оградить их от тлетворного влияния революционного утара. Лето 1917 года прошло более или менее благополучно; осенью вызванные преступными действиями и пропагандой Временного Правительства погромы докатились и до местности, в которой находилось имение моего приятеля. Однажды толпа пьяных парней и девок, из которых большинство было ему многим обязано, наполнила двор усадьбы. Пожилых крестьян среди них почти не было. Начался бессмысленный разгром всего хозяйства, уничтожалось все бесцельно и нелепо, — перебили кур, перерезали мелкий скот, испортили машины, растащили мебель из дома. Моего друга в перемешку с пьяной, богохульной и омерзительной руганью называли «кровопийцей», «буржуем» и прочими словами, почерпнутыми из неиссякаемого и смрадного «демократического» лексикона. Мой друг бежал, но связь его с имением порвалась не сразу, он долго еще получал письма, рисующие шаг за шагом гибель и разорение культуры, с таким трудом насажденной им. Сначала разобрали хозяйственные строения: «кирпичи, мол, понадобятся», порубили опытную посадку сосен, наконец сожгли и самый дом, сожгли так, «из озорства», парни. Потом письма прекратились, — писание писем бывшему барину было рассмотрено «властью на местах» как контр-революционный поступок, писавшим стали угрожать арестом. В прошлом году мой приятель узнал, что можно писать в Россию и написал своему родственнику, проживающему в городе вблизи его имения. Ответы рисовали ужас жизни в России и вполне подтвердили сведения, доходившие до нас, за последнее время. Даже за большие деньги в городах нельзя ничего достать, приходится ездить по деревням. И вот родственник моего друга решил поехать к священнику того села, близ которого находилось его имение. По приезду к батюшке он был принят как родной.

Батюшка раньше был из передовых, но революция и события последующего времени сильно изменили его воззрения. Крестьяне, узнав о приезде городского гостя, повалили гурьбою побеседовать с приезжим. Начались подробные распросы о том, как и где живет беглец усадьбы, вспоминали с сожалением, а многие и со слезами, прежние, хулили настоящее и робко и осторожно высказывали свои затаенные надежды на лучшие времена. Просили написать моему другу или дать его адрес, — «сами напишем», чтобы просить его вернуться, «корову отдам и лошадь», кое какую обстановку его до сих пор сохраняем; устроим его как нельзя лучше. И как это нечистый нас попутал, такой грех совершили, ограбили такого доброго человека!»

Приезжему принесли деревенских гостинцев. Хотя губерния считается урожайной, но и там положение далеко не удовлетворительной. Хлеб печется по такой раскладке: на 1 пуд молотой лебеды добавляют 6-8 фунтов ржаной муки. Понемногу привыкли к такой пище, только думают о том, как бы такого хлеба хватило до нового урожая. Но будущий год не сулит ничего хорошего; погода была теплая до декабря, а на Рождество хватил мороз без снега, поля залупцены, не паханы, — некому и нечем пахать, плуги испорчены, а починить их нельзя. Из Поволжья приходят еле живые, истощенные голодом люди, умирают от слабости, разнося, по еще не зараженным местам, эпидемии тифов, приводя в ужас своими рассказами крестьянские умы. А рассказы ужасны: в Самарской губ. ежедневно от голода умирают до 1 000 человек; крыс, собак, кошек уже съели, падаля идет в открытую продажу и цены на нее растут с каждым днем; за последние два года развелось неимоверное количество волков, которые облаггели до того, что бросаются на людей; недавно в одном из уездов Средней России ими было растерзано 5 человек крестьян с лошадьми.

Большевики пытались образовать государственную охоту, разыскивают борзых собак, сам Бронштейн выезжал на охоту (о, умилительное зрелище!), крестьяне соседних деревень были согнаны как загонщики, но все это не помогает.

Настроение крестьян нервное и в то же время приниженное, они поняли многие свои заблуждения, но поздно и тяжело искупляют все содеянное ими.»

«Крым постигнул сильный неурожай. Согласно большевистским подсчетам на полуострове голодает около 300 000 взрослых и 130 000 детей. Фунт хлеба в Алушке стоит 160 000 рублей. На улицах Севастополя, Симферополя и Евпатории валяются трупы брошенных матерями детей.» (там же, № 31, от 27 февраля 1922 г.).

«Приехавший недавно из Петрограда доктор Б. рассказывает

следующий эпизод. Однажды хозяйка квартиры, в которой он жил, заявила ему, что сегодня она не сможет его накормить и вместо ответа на его вопрос, отчего он в этот день должен остаться без обеда, повела его на кухню и показала на столе часть человеческой ноги. Возмущенный доктор взял с собой этот кусок «мяса» и пошел в лавку, из которой оно было получено. В лавке он получил ответ, что в этот день мясо получено из «чрезвычайки» (чека) и все того же сорта. В комиссариате, куда он отправился, доктору выражали сочувствие, возмущались, но сказали, что ничего сделать не могут. Б. не успокоился и пошел в чрезвычайку, там его заявление было тоже встречено «сочувственно», но отговаривались тем, что ничего сделать не могут. Когда же доктор заявил, что он пойдет в исполком и опубликует об этом в газетах, выслушав его речь, тоже «сочувственно» сказали ему: в исполком вы, конечно, пойдите и вообще ваши заявления можете делать где хотите, но в газетах об этом печатать не советуем. Имейте в виду, что через два дня после появления вашей заметки в печати, ваша нога будет лежать на том же прилавке...» (Там же, № 34, от 20 марта 1922 г.).

«По полученным сведениям голод медленно, но верно распространяется по России. Как нами уже сообщалось, Украина уже им охвачена. По только что полученным сообщениям, угроза голода докатилась до Омска. Недовольство на почве голода растет, вспыхивают повсеместно восстания... Обыватель задавлен налогами. В Туле за ведро воды, почерпнутое из общественного колодца, платят городу 1000 рублей. Цены на освещение колоссальные, за три лампочки в месяц платят 750 000 рублей. И так во всем. На Волге людоедство принимает повальные размеры, власти этого более не скрывают. Организованы даже специальные отряды для закапывания трупов и охраны кладбищ.» (Там же, № 37, от 17 апреля 1922 г.).

«В виду крайнего интереса приводим ниже сообщение проф. Меридит Аткинсон, ездившего вместе с сэром В. Робертсон в Россию, как представитель Австралийского Комитета помощи детям. Профессор посетил многие деревни и говорит, что положение в голодающих районах настолько ужасно, что оценка его не может быть преувеличена. Расследование положения в деревнях привело профессора к убеждению, что главной причиной голода является *реквизиция хлеба* в деревнях, произведенная советами в 1920 году, результатом чего явился *преднамеренный* недосев крестьянами своей земли в 1921 году, который в соединении с сильной засухой прошлого лета и дал ужасный голод, ныне переживаемый Россией. «Я убедился, говорит профессор, что сведения о том, что нашествие армий Деникина, Колчака и Врангеля опустошили крестьяне посевы — *неверны*.» ...Далее профессор

говорит, что он никогда не решится назвать деревни, в которых ему удалось собрать эти сведения, из страха, что его собеседники могут там подвергнуться преследованию, «одному Богу известно, что бы могли сделать с этими невинными, вероятнее всего их убьют» и добавил: «ведь люди убиваются там за кражу пищи». Оценивая работу властей по делу помощи голодающим, проф. Аткинсон считает необходимым ответить, что в связи с полной разрухой «среди администрации царит страшное бездействие и незнание, кажущиеся ужасающими перед лицом всех ужасов момента». Обрисовывая царящую в России разруху, профессор говорит: «Мне лично приходилось пять раз ездить на станцию, чтобы поймать поезд из Москвы в Саратов, только для того, чтобы убедиться, что никакого поезда нет». «Совершенно нельзя быть уверенным в том, что самые простые вещи будут сделаны, в виду отсутствия связи между различными государственными учреждениями и неисправимой привычки давать обещания, которые исполнены быть не могут». Под конец проф. Аткинсон дает картины ужасов голода: «Я видел горы трупов на подоконниках ж.-д. станций, на дорогах от одной деревни к другой валяются трупы умерших в пути». «Я видел неопровержимые доказательства людоедства. Трупы, брошенные в снег и не погребенные, ночью украдывались для пищи. Отцы и дети убивали друг друга. Один человек убил свою жену и замариновал ее в бочке. Я могу ручаться за правильность этих фактов» (Там же, № 38, от 24 апреля 1922 г.).

Бывший верховный комиссар по голоду в Индии Робертсон, посетивший районы Волги в 1922 году, пишет: «Страна была совершенно опустошена реквизициями, хлеб исчез окончательно. В одной деревне возле Саратова из 100 лошадей осталось всего 22 и из 300 коров — только 40. Три причины привели к голоду: отсутствие хлебных запасов, разрушение торговли, плохое состояние железных дорог, три причины лежащие всецело на ответственность диктаторов.»

Многие проживающие за границей русские и поголовно все иностранцы не имеют никакого представления о тех ужасах, которые творятся в России. Печатаем ниже письмо, приподнимающее хоть отчасти завесу над той трагедией, которую переживает русский народ, стиснутый в цепких лапах социалистов. Письмо помещено 18—V, отправлено из Москвы:

«Вчера были (по случаю именин Тани) все родные. Жена Пети рассказывала, как в семье их знакомых Ш. отправили барышню лет 16-ти к родным в Саратовскую губ. отвезти продукты и спустя две недели пришла телеграмма: «Лелечку съели».»

Валя (дочь помощн. завед. одним детским домом) передавала

рассказы детей, прибывших из Казани, о том, как татары ловили по дорогам проезжающих арканами и ели.

Прибывшие из голодных мест сообщают, что людоедство настолько заразительно, что люди перестали даже искать другой пищи, предпочитают «человечину». С мест запрашивают Москву, что делать с пойманными людоедами, держать ли их в тюрьмах, расстреливать, или же выпускать на свободу; число таких преступников огромно и увеличивается с каждым днем. Со слов знакомого доктора знаю, что в провинции съели доктора, сиделку и санитаря. Другой доктор, бывший довольно толстым, не выдержал и сбежал из Поволжья: чувствую, говорил он, что меня хотят съесть, заманивают, как то особенно ласково смотрят и т.д. «Вот, дорогой мой, тема для психологического исследования, — ощущения человека, которого хотят съесть».

Вчера Катя очень сочно, как умеют рассказывать только старые и бывалые люди, передавала нам следующее (это не басня, знает она это от верных людей): «один мелкий торговец собрал мучицы, крупичи, сахарку да чаю и поехал к брату в деревню в Самарскую губернию. На станции спрашивает знакомых мужиков: «Как брат?» — «Да ничего, только ты туда не езжай». Он все же поехал. Встречает его брат, равнодушно берет продукты и все его ощупывает: «а ты брат жирный». «Ну а где дети твои?» — «Да под полом!» — «А жена?» — «И жена там». Вылезла жена и первым делом пощупала приезжего: «а ты жирный», говорит. К окну собралось человек 10 крестьян, смотрят на приезжего.

«Коли хочешь посмотреть детей, полезай под пол!» — «Да ты их сюда приведи!» — «Нет они у нас там и живут. Ползай ты первым». Приезжий ни за что, — страшно вдруг стало. Наконец уговорил он хозяина первым в подвал спуститься, а лишь тот сошел, захлопнул за ним крышку погреба и в дверь. Выскочил из избы, а тут его давай хватать, ловить — караулили значит. К счастью, все они как мухи, падают — с ног валятся, отбились и скорей на вокзал». Этот рассказ произвел на нас всех страшное впечатление, есть с чего испугаться. Собака собачины не ест, а тут брата, собственных детей, — ужас!»...

«По сообщению из иностранных источников в Крыму более 60 000 человек умерли от голода, из них 60% детей. Трупы их съедены голодающими. Те же источники приносят известие, почерпнутое из «Красной газеты», о расстреле «из человеколюбия и санитарных целей» 100 детей, заболевших сапом от употребления мяса, зараженных этой болезнью лошадей...» (Там же, № 44, от 5 июня 1922 г.).

О том, каковы санитарные условия в России, можно судить по нижеследующему отчету одного из провинциальных санитарных управлений за время только с 15 по 31 июля 1922 года:

«количество заболеваний холерой — 1445, чумой — 19, сыпным тифом — 7695, брюшным тифом — 2358, менингитом — 237, сальмонеллезом — 34. Особенно усиливается холера, так как за 27 число заболело 976 человек». (Там же, № 53, от 21 авг. 1922 г.).

«На почве все разрастающегося голода наблюдаются ужасающие картины людоедства. На рынках каждый день происходит кровавые расправы с голодными ворами. Вора, стащившего с лотка кусок хлеба или сырого мяса, бьют палками, пожимают, чем попало. Истекая кровью, задыхаясь, умирающий, до последнего издыхания, продолжает жевать, защищая стащенный кусок от толпы. Драки из-за оброненной корки хлеба, даже крошки, вещь вполне обыденная. На почве голода совершаются невероятные преступления, забыты все законы Божеские и человеческие.

Сообщается, что в крупных городах юга России власти принуждены были установить охрану базаров, которые часто подвергались разграблению толп голодных горожан. Мера эта отчасти предохранила торгующих от нападения голодающих, по случаям нападения на рынки остаются явления вполне обыденным.

Правительство не только бессильно бороться с все разрастающимся бедствием, но, наоборот, узаконивает многие уродливые и преступные проявления действительности. Так, согласно последнему декрету на Поволжье, людоедство перестало быть наказуемым. Заготовки солонины из человеческого мяса стали там обыденным явлением...» (Там же, № 46, от 19 июня 1922 г.).

«В Крыму положение ухудшается с каждым днем... Особенно жалко существование местного татарского населения, которое буквально вымирает от болезней и длительного недоедания. Прибывшие из Севастополя сообщают о том, что случаи смерти от истощения на улице достигли чудовищного числа. Поля не засеяны, запасы хлеба и даже семени все съедены, съеден весь скот, прибывающие же изредка продовольственные грузы разграбляются конвойнными, грузчиками или же жителями.» (Там же, № 47, от 3 июля 1922 г.).

«В Одессе сильно развиты эпидемии холеры и тифа. Умирает человек по 500 в день. Трупы умерших выносятся на улицы, где и лежат впредь до уборки. Иногда лежат по несколько дней. Так, сообщают сам видел труп женщины, ноги которой объедались собаками. Мертвых с улиц собирают крючьями за шею и сваливают на подводы, которые отвозят за город и затем трупы зарываются в общие ямы...» (Там же, № 59, от 2 октября 1922 г.).

С июня 1922 года сведения об ужасах голода перестали поступать, ибо Советское правительство, ссылаясь на блестящий

урожай, оповестило, что голод окончательно ликвидировать. В действительности же причины «ликвидации» были иные. «В поисках за доходами советы решили продать за границу весь запас зерна, который им удастся оружием выколотить у крестьянина. Но за граница на просьбу об авансах отвечала, что затруднительно дать деньги на закупку продовольствия в России, когда в стране царит голод и людоедство. Немедленно же постановлением Вшика (Всероссийской Центральной Исполнительной Комиссии), голод был ликвидирован»... (Там же, № 57, от 18 сентября 1922 г.).

«Советские деньги продолжают падать, так что цены такие: фунт говядины — 7-8 миллионов, ф. масла — 16-20 милл., ф. творогу — 5-6- милл., бутылка молока — 4 милл., 10 яиц — 7-8-милл. Как видите, расход одного дня достигает цифр астрономических. Помните, экономисты бывало пишут, что есть предел падению денег, за которым государство рухнет, а вот большевические жида доказали, что их организация может существовать вопреки всем ученым выкладкам и соображениям. Я всегда придавал мало значения так называемой экономической науке, а сейчас, на примере большевиков, еще более вскрылась ее несостоятельность. *Для воли Божией не существует экономических законов, и преступления человечества влекут за собой совершенно новые комбинации естественных и экономических явлений. Бог и нравственный закон управляют судьбами людей, а не экономика. Большевическая жидовская организация явилась тем бичем, который Бог послал покарать отступивший от веры русский народ.* Русская чернь в последние годы перед революцией с каким то остервенением потрясла воздух сыпавшимися из ее уст кощунствами и матерной бранью, и эта хула на Духа сй не простилась. Смотрите, какой мор прошел по русской земле, а будущее еще мрачнее. В газетах уже пишут: «На Украине распространение сусликов принимает грозные размеры. Сусликами охвачена площадь в 3 500 000 десятин. На каждую десятину приходится от 200 до 300 пар сусликов. Некоторым районам вследствие этого грозит опасность почти полной гибели урожая. Наиболее поражены Полтавская и Херсонская губернии.» Я знаю, что это значит. В моем детстве, более пятидесяти лет тому назад, я видел между селами Савищицами, Чевельгой и Богодуховкой, на границе Лубенского и Золотоношского уездов, степь, захваченную сусликами. На огромном пространстве у нор стояли на задних лапках зверьки и громко посвистывали. Все посевы кругом были съедены. Суслики человеку не оставляют ничего; он — грозный признак полного падения разумной деятельности земледельца и показатель наступления пустыни. Вот *опищение мужикам* за изгнание от себя

всего культурного слоя землевладельцев. Далее газета пишет: «Кроме сусликов сильно распространена головня, которой особенно поражены Черниговская и Харьковская губернии. Всего ею заражено 35% всех хлебных посевов на Украине.» Помпите библейские слова: «Пошлю на вас зверей полевых... поражу ржавчиной (головня)... А в польской газете пишут о правобережной Украине, т. е. о Киевской, Волынской и Подольской губерниях: «Состояние озимых посевов — самое плачевное; большая часть их уже погибла; чувствуется крайний недостаток семян для яровых посевов.» Вот в какое положение пришли 7 плодороднейших губерний, когда в них остались глупый мужик и хищный жид. А наши «демократы» в эмиграции, не обращаясь к Богу и не разбираясь в явлениях действительности, все еще уповают на мужика и строят все планы на «волеизъявления» народа, — на всеобщем голосовании.» (Из письма А. Царинного, от 23 мая — 5 июня 1923 г.).

Приводим и позднейшие сведения за 1923 год, из которых видно, что голод не только не прекратился, а, наоборот, увеличился. Сообщая сведения о 34 сербских беженцах, прибывших из России, газета «Новое Время» говорит: «Впечатление, которое производят эти страдалцы, невероятно. Бедствия, которые давили их в красном царстве целых 6 лет, повлияли на все их существование, наложили печать мученичества на всякое движение, отняли силу, разбили сердце и сделали неспособными к жизни. Худые, как скелеты, оборванные, как нищие, они производят впечатление потерпевших кораблекрушение людей, выброшенных волнами на необитаемый остров, где живут в вечном страхе и умирают от голода. — В России не живут, там только умирают — заявили они. — Вот что сделал с нами новый режим! Хотите знать как выглядит Россия?.. Посмотрите на нас! Ничего больше вам не нужно. Ведь мы рабочие. Существует только группа комиссаров и их приспешников, которые живут богато, даже роскошно... Непрерывно работает чека, это варварское средство для убийства людей...»

Одновременно в течение трех недель «Новости» напечатали подряд 18 статей о большевистской России. Содержание их легко понять хотя бы из следующих заглавий: «Государственная тирания», «Хаос и неспособность», «Дьявольская система», «Гонения и Церковь» и т. п. (Нов. Вр., № 657 от 7 июля 1923 г.).

Полученное нами письмо из Крыма рисует положение этой когда то благодатной русской окранны, превратившейся при большевиках в кладбище.

«...Мы вымираем, все гибнет, нет никакого просвета. Былое благосостояние исчезло. Количество скота, отчасти вследствие эпизоотий, отчасти вследствие отчуждений, а также и вследствие

голода, сильно уменьшилось. Люди, имеющие лошадей, или несколько лошадей, считаются счастливыми, многие ездят на быках или коровах, чего прежде не бывало. Большинство населения не имеет однако никакого скота и ходит пешком на расстояние 50-100 верст. Всего больше пострадали в последнее время деревни расположенные вдоль железной дороги. Особенно деревни на пути из Джанкоя в Феодосию. В приходском селе Цюрихталь, в немецкой колонии, в прошлом году вымерла значительная часть населения от голода. Школа закрыта уже второй год, т.к. учителя голодают и бегут. Урожай плохой, засеяно мало, фруктов нет.

Все немецкие колонии сильно пострадали. В Судакe очень много умерло от тифа.

Жители отапливают печи колючкой, которая в последние годы пышно разрозлась. Мельницы тоже отапливаются колючкой, и многие зарабатывают себе на хлеб тем, что подвозят курай на мельницу, за что получают плату маисовой мукой. В Конграте за последние два года не сеяли. Таймас и Шайх Али в лучшем положении, но в Шайхе Али снова свирепствует тиф, а медикаментов нет совсем.

Очень тяжело в Феодосийском уезде, где семена получались лишь на десятину.

В Евпаторийском уезде население голодает, причем половина его уже вымерла. Деревня совершенно разорена. Жители распродали за бесценок не только скот и движимое имущество, но также и дома.» (Нов. Вр., № 674, от 28 июля 1923 г.).

«Из докладов на состоявшемся недавно в Москве съезде сельских комитетов взаимопомощи выяснилось, что в наступающем году можно ожидать новой вспышки голода, так как уже в настоящее время в приволжских губерниях процент голодающих огромный; так например, в немецкой коммуне голодает 40 проц. населения, в Самарской губернии — 45 проц., в Саратовской — 35 проц., в Царицынской — 40 проц., в Башкирской республике — 55 проц., в Татарской — 70 проц., на Урале — 30 проц., и на Украине вместе с Крымом — 33 проц.» (Нов. Вр., 24 авг. 1923 г., № 678).

«В «Кубанце» среди многих писем с родины находим письмо станичника, которое приводим в выдержках, с сохранением орфографии:

«...хотя у нас и урожай хороший, но мы им не особенно радуемся. А голодной смерти нам не миновать, и нам вас, дорогой братец, наверно уже не ожидать, если только этот святой хлеб от наших рук уйдет. А нам уже все видать по налогу, что у нас оплатить больше нечем будет, то наверняка платить придется собственной душой в гнилых тюрьмах а также в глубоких

яхах. На что это так у нас есть, когда сейчас у нас берут за прошлогодние налоги последнюю кальку, а также коровку или овечку ведут на базарную площадь и там же продают с аукционного торга. Это факт. А она бедная казачка стоит слезы втирает рукавом или стоит казак старик, тоже втирает слезы укладкой оборванной шапкой. Это тоже факт. Затем, мой дорогой, в прошлом году был налог только по 11 пудов, а у 1923 году постановили по 25 пудов и 10 фунтов с десятины, засеяна у тебя вся земля или нет, это им безразлично, уплачивать надо за всю, то мы это уже знаем, что нам придется помирять с голоду...

...Я вас, мой братец, прошу, скажите вы мне, умирать мне или еще обождать лучшей жизни... Я бы желал умереть хоть в казачьей черкеске, а придется умереть в порванной рубашке или совсем голым. Отакая советская слобода...

...Мы уже и веру христианскую продали за миллионы. В церковь не пускают и родятся диты казачьи не христиане и умирают не печатаны...» (Нов. Вр., 14 авг. 1923 г., № 688).

Я не славался специально целью подобрать соответствующий материал для своих иллюстраций, а пользовался лишь теми сведениями, какие были под рукою. Сведения эти, разумеется, весьма кратки, неполны, разбросаны в нескольких брошюрах и газетах, но даже в своем виде они не опровергают сделанного мною вывода о том, что большевики умышленно морили голодом для того, чтобы истребить его.

Какою наглою и бессовестною ложью являются ссылки большевиков на мужицкую косность и их леность, благодаря которым они не сумели воспользоваться отобранной у помещиков землею, или умышленно не обрабатывали полученной земли из контр-революционных побуждений, для того, чтобы заставить голодать красную армию, или же скрывали свои продукты ради спекулятивных целей! Нарисованные нами картины опровергают без слов эту ложь, ибо там, где население вымирает от голода, там очевидно уже нечего припрятывать на завтрашний день. Да, в первые дни революции, когда она еще рисовалась крестьянам в образе грядущего рая, были случаи, когда они спекулировали не только на одном хлебе, но и на всех прочих продуктах земледелия, когда цены буквально на все росли по часам и то, что стоило утром тысячи, продавалось вечером за миллионы... Но это время для крестьян и началось и кончилось в первый же год революции, а затем спекуляция стала монополией одних только представителей советской власти, как, впрочем, и все другие блага советского рая, каких крестьяне только пробовали с тем, чтобы лишиться и того, что имели раньше. Нельзя обвинять крестьян и в сокращении посевной площади, ибо мудрено обрабатывать землю не имея орудий труда и скота, мудрено иметь желание

обрабатывать ее там, где земля социализирована, а продукты облагаются налогами, превышающими их стоимость. Сокращение посевной площади явилось прямым результатом большевических декретов и распоряжений, и это подтверждают нижеприводимые нами данные:

«Посевная площадь крестьянского двора до революции составляла 4,6 десятины. В 1919 г. она упала по официальному сообщению, до 2,5 дес., а в 1921 г. вероятно не превышает 2 дес... Вместо прежнего потребления на душу 22 пуда в год, крестьянам оставалось хлеба по 12 пудов на душу. Остальное отбиралось советским правительством бесплатно, что составило, в среднем, для 1919 и 1920 годов по 243 830 000 пудов хлеба, круп и зернового фуража.» (Еженедельник Высш. Мон. Сов., 4 сент. 1921 г., № 4).

«Властью принимаются энергичные меры по сбору продналога, укравшие свой хлеб крестьяне расстреливаются. На этой почве не прекращаются крестьянские восстания»... (Там же, № 5, от 11 сент. 1921 г.).

«Производство сахара со 105 миллионов пудов в 1915 году уменьшилось до 5 миллионов пудов в 1920 году»... (Там же).

«Весною текущего года в Самарской губ. Новоузенского уезда, в селе Чербаево вспыхнуло быстро охватывающее весь Новоузенский и часть Камышинского уездов восстание.. Выведенные из терпения постоянными поборами «продовольственников», несмотря на очевидный уже голод, а главное зверствами, которыми эти поборы сопровождались, крестьяне восстали и перебили представителей советской власти»... (Там же).

«На Волыни неспокойно, крестьяне не выдерживая притеснений, чинимых большевиками при сборе продналога, восстают. Для усмирения вызываются карательные отряды. Особенное раздражение вызвало запрещенное молотье зерно, пока вся деревня не внесет назначенного ей по разверстке продналога. Украинна наводняется беженцами из Новороссии. Голодных никто не кормит, отчего развелось до невероятных размеров воровство; на этой почве возникают недоразумения между местным населением и беженцами, оканчивающиеся часто кровавыми столкновениями.» (Там же, № 9).

«На железно-дорожных станциях Курской губернии гниет сложенное зерно, собранное комиссией продналога. Всего свезено и доставлено на станцию 1 380 000 пудов ржи и овса; за отсутствием вагонов, весь собранный хлеб обречен на гибель.» (Там же).

«Посевная площадь в Туркестане с 3,5 миллионов десятин 1915 года сократилась до 1,6 милл. дес. в 1920 году. Количество орошаемой земли с 2,4 милл. десятин упало до 1,1 миллиона»... (Там же, № 10, от 16 окт. 1921 г.).

«На будущий год голод также неминуем, хотя 50% осенних

посевов и взошли, но все же остается площадь в несколько сот тысяч десятин на осеменение которой не хватает зерна.» (Там же, № 24, от 9 января 1922 г.).

«На втором всеукраинском съезде комиссар Фрунзе сделала доклад о повстанческом движении в Малоруссии. С Сентября 1921 года там насчитывалось до 50 отрядов общей численностью до 40 000 человек. Во время борьбы с этими отрядами, по советской статистике, было убито 182 атамана, расстреляно 9, арестовано 84, добровольно сдались 169, всего 444. Рядовых повстанцев убито 9 544, расстреляно 510, арестовано 15 305, явилось добровольно 9 539, всего 26 612.» (Там же, № 40, от 8 мая 1922 г.).

«Для прокормления населения в течение 5 месяцев потребуется 50 миллионнов пудов, т. е. по 10 миллионов пуд. в месяц. Исчисляя народонаселение в России в 120 миллионнов*) получаем расчет одного пуда на 12 человек в месяц, т.е. менее 4 фунтов на человека в месяц, или менее одной восьмой фунта в день... Семени для осеменения полей или опаздывают, или приходят в слишком незначительном количестве, в большинстве же случаев запасы расхищаются на местах, вследствие чего получается постоянное и неизбежное сокращение посевной площади»... (Там же, № 41, от 15 мая 1922 г.).

«Национализированные предприятия в России явили миру небывалый пример *не производящей, а потребляющей* промышленности. Разительным свидетельством может служить производство сахара в Киевском округе в 1920-21 гг. — При общем произ-водстве в 1 167 000 пудов сахара было затрачено на раздачу рабочим, в уплату их труда: — 2 миллиарда рублей, 50 000 пуд. соли, 150 000 метров ткани, 500 пуд. табака, 7 000 стаканов и, наконец, 1 милл. 500 000 пуд. сахара.

Другой пример: казенное земледельческое предприятие, дающее 4,5 милл. пуд. зерна на оплату рабочим натурой.

Покрытие такого чудовищного недохвата в национализированных предприятиях, а также удовлетворение потребностей красной армии и огромной советской бюрократии побуждают Советское правительство не только расходовать остатки веками накопленных богатств и запасов России, но и облагать тяжелыми, непосильными поборами и реквизициями оставшиеся не национализированными частные хозяйства, преимущественно крестьянские, земледельческие, т. к. крестьянство составляет 80% населения.

Такие постоянные поборы неминуемо привели к полному крушению крестьянского хозяйства, к стремительному понижению

*) В действительности, 170 миллионнов и даже по большевицким сведениям, выше 140 миллионнов.

посевной площади и урожайности, к вымиранию скота и к окончательному падению покупательной силы страны.» (Там же, № 40, от 19 июня 1922 г.).

«Красное Знамя» № 135 пишет: для недоимщиков наступило время применения к ним суровых карательных мер. Ни один недоимщик не ускользнет от карающей руки. Бесполезны какие бы то ни было просьбы, хадатайства и жалобы на непосильность или на затруднительность платежа)... (Там же, № 51, от 31 июля 1922 г.).

«Беднота» (4 1263) сообщает о циркуляре, разосланном центр. ком. Р.П.К. в связи с сбором продналога... Циркуляр возлагает на членов партий заботу о скорейшем выполнении разверстки, причем учитывая «возможность административных мер воздействия на нежелающих платить» продналог, советует обратить внимание, как на «качественный, так и на количественный» состав исполнительных органов. От этих исполнителей требуется «способность быстро и решительно выполнять распоряжения прод. органов». Итак, этим циркуляром возобновляется прошлогодний террор, сопровождавший и тогда сбор продналога. Снова, как результат «административных мер, польются реки крови русских людей, единственная вина которых заключается в том, что они не дают грабить своего дома»... (Там же, № 55, от 4 сентября 1922 г.).

«Кража последнего куска хлеба», — так назвал на последнем заседании съезда советов товарищ Романчук распоряжение «Внешторга» о вызове за границу русского зерна. Несмотря на все продолжающийся голод советское правительство решило вывезти в Западную Европу до 500 миллионов пудов зерна»... (Там же, № 76, от 29 января 1923 г.).

«Из Кубани сообщают: урожай осени 1922 года был очень хорош, но все же в крае царит голод, причина тому — сбор продналога, который собирали по следующей раскладке: 75% урожая с десятины, кроме того с десятины 6 фунтов масла, 1/4 кожи, 20 штук яиц и т. д., таким образом разошлись на покрытие продналога и оставленные 25% так как налоги верстаются вне зависимости от действительной наличности»... (Там же, № 84, от 2 апреля 1923 г.).

«В Забайкалье жизнь населения становится все тяжелее. Урожай ожидается скверный. Обложенные сорока семью (47) налогами окончательно надломило жизнь. В восточном Забайкалье из за усиленного выколачивания налогов вспыхнули местные беспорядки, при том в районах где население особенно сочувствовало коммунистам»... (Там же, № 104, от 3 сент. 1923 г.).

«Наша жизнь с каждым днем все ухудшается и в материальном и в моральном отношениях. Налоги буквально давят нас.

У нас налог теперь на все: на кошку, на собаку, на курицу и даже в больших городах на могилы. Никто не знает даже за один день, какие нужно платить налоги, потому что почти каждый день вводятся новые налоги — сегодня на железную печку, завтра на зеркала, грядки, диваны и т. д.

Много налогов таких, о которых мы прямо не знаем, за что они взимаются. Вот сейчас у нас лежит повестка на 60 миллионов и неизвестно за что, а ведь кроме того ожидаем еще повестку за дом, придется платить около миллиона, если не больше.

Жалование же большей частью нам «прощается». Вам вероятно не понятен этот термин в таком приложении, но здесь он означает, что в «финотделе» (нечто в роде министерства финансов) нет денежных знаков и в таких случаях объявляется, что жалование выдано не будет. Вот и за этот месяц тоже, вероятно, простят. Широко практикуется здесь для обирания населения еще и «аннулирование». Сущность «аннулирования» сводится к тому, что, например, все дома были национализированы, но потом был издан декрет, разрешающий выкупать дома у правительства. Публика отправила свои пожитки на толкушку, и дома выкупила. Однако вскоре первый декрет был аннулирован и все имущество снова было объявлено собственностью СССР. Вслед за этим опять объявляют декрет о выкупе, а за выкупом следует снова «аннулирование».

Таким способом СССР выкачивает деньги у населения.

Кроме этих налогов и выкупов, пищевые продукты обложены акцизом, который, как и налоги, взимается по дневному курсу торгового рубля, средняя дневная разница которого обычно выражается в нескольких миллионах, почему и акциз взимается на месте розничной продажи продуктов.

Быть может покажется трудным учесть сахар, находящийся в какой-нибудь лавочке. Однако, в чем-в чем, а в собирании различных податей здесь, под руководством еврейских учителей, пошли очень далеко и с российского обывателя дерут не семь, а бесконечное количество шкур. И вот, при всем этом говорят старые фразы о райском блаженстве человечества под советской властью, о бесплатном образовании в больницах, бесплатных путях сообщения, квартирах, столовых и т. д. Однако каждый ребенок в советской России знает, что здесь даром никто не станет ни лечить, ни учить. И если не располагаешь сотней миллиардов, то даром можно только умереть, но и это не так удобно. Если случится умереть в советской больнице, то вас без всякой одежды бросят в большой красный ящик — «общий гроб», в котором трупы валяются до тех пор, пока не наберется полный комплект попутчиков до места вечного упокоения, там тело сбросят в общую яму, а «общий гроб» ответит на прежнее место насыпать

новых покойников, яму же тоже засыпают землей только по наполнении ее полным комплектом покойников, который составляется из нескольких партий из «общего гроба». Если умирает человек дома, то его отвозят в ту же общую яму на тачке. Мне часто приходилось видеть, как мальчишка тачечник толкает свою тачку, на которой лежит голый скорченный труп женщины, одна нога сползла и скребет по земле, ноги раскнуты, на колесе болтается пук волос, труп еле прикрыт рогожей, на которой лежат приобретенный по дороге хозяйственным тачечником уголь. Мальчишка толкает тачку и напевает: «Ах, шарабан мой, дутые шины, быстрее катит он машины». Или вот еще — на больших дорогах везут «общий гроб», лошаденка бежит мелкой рысью, крышка с гроба сползла и в гробу виднеется человек, корчащийся в агонии. Это значит, что «общий гроб» не мог больше дожидаться последнего для комплекта покойника и этого несчастного бросили в «общий гроб», надеясь, что по дороге он должен умереть. Такова наша жизнь. А ведь это тысячная доля того, что мы видим, чувствуем и переживаем.» (Новое Время, 5 сент. 1923 г., № 707).

«До чего упал нравственный уровень народа, до чего народ терроризован! Не только в городах, но и в деревнях шпионство развито до предела и в этом, надо отдать справедливость советской власти, она достигла небывалых результатов. Двое, трое останавливаются на улице и будьте уверены, что мальчишка или товарищ уже подслушивают. Упаси вас Бог что-либо про местные учреждения сказать. Слово и дело готово и вас через день, два уже непременно в чека потащут, и в ожидании допроса недель просидите под арестом. Например, на почте: в деревенском почтовом отделении от мужика потребовали за недостающую марку, как теперь практикуется, вчетверо. Мужик выругался по адресу советской власти. И через день его засадили и он несколько месяцев просидел. И так во всем, в самых малых проявлениях какого-либо протеста или порицания, или простой критики советских служащих, не говоря уже о высших — следует жестокая кара...

Не стесняются бить добрых мужичков палками, как и не снилось им при крепостном праве. На митингах или сходках иногда мужички и высказываются. Когда им указывают, что их снабдили землей, отобранной у помещиков, они, почесывая затылок, говорят: «земля то наша, да хлеб то с нее не наш, а ваш!» И на этой почве растет в населении сильное озлобление...

Коммунаров ненавидят; коммунар стал ругательным словом: «ах ты коммунар, такой сякой». Но все же в каждой деревне или селе есть 2-3 негодяя, принадлежащие к какой-либо фракции. И они то донощики, шпионы. Все их ненавидят, но боятся. При

выборах в разные бесконечные советы или комиссарства крестьяне стали выбирать вновь людей из прежних служащих, конх преследовали всячески в 1918-20-х годах, а теперь вновь стали уважать; — так уездные советы и комиссары ни за что не утверждают таких выборов. Назначают от себя своих типов, и население, скрепя сердце, подчиняется. А назначаются по большей части все люди с уголовным прошлым и самой низкой нравственности. Такие люди на все способны, на всякую идут уголовщину, начиная с убийства. И сколько погибло от них несчастных — нет числа!..

В уездных советах сидят все типы из городской голытьбы, тоже по назначению из губернского города, т. е. от всяких коммунистических учреждений, а главным образом от чека, ныне переименованной в политическое отделение или управление...

Много незаезженных полей. Советские хозяйства или совхозы, образовавшиеся из бывших помещичьих хозяйств, закрылись, так как давали огромный убыток и пришли в полный упадок. Из совхозов образовали тресты...

Эти тресты ничего не имеют общего с трестами, как мы знали и понимали в Америке и Европе, а это сброд отдельных небольших групп коммунаров (скорее quasi-коммунаров), которые взяли в свое заведывание совхозы, а в сущности дограбляют несчастные хозяйства наши. Во главе этих соединенных под управлением коммунаров хозяйств — люди совершенно некультурные...

Набравшись якобы экономических знаний, а в сущности круглые невежды, они способны улучшить хозяйство и ограничиваются неполной, с соседними крестьянами, обработкой земли, а взятые в долг земледельческие машины, тракторы — заброшены или стоят поломанные без действия. Во главе, напр., Тульского треста стоит беглый матрос с «Потемкина», побывавший на каторге, а затем был швейцаром в одном из московских кабаков. Еще года два тому назад в земельные комиссии, советы и пр., по указанию центра, назначали в совхозы людей знающих, из бывших помещиков, агрономов и т. п., а теперь сплошное гонение на таких людей. Их заменили товарищи из коммунаров, которые главный доход извлекают из продажи строений, железных крыш, разных построек, чем доводят усадьбы до полного уничтожения, несмотря на строгие приказы из центра сохранять и улучшать хозяйственные постройки. Местные власти, а особенно именующие себя коммунарами, не считаются с центром, не обращают на него внимания и ведут свою линию. Хотя день, да наш! Бывшему помещику строго воспрещено возвращаться в свое бывшее имение, усадьбу. Кое-где крестьяне приглашали бывших землевладельцев вернуться; но коммунарские комитеты

зорко следят за этим, и имевшим неосторожность приехать или посетить свое бывшее поместье пришлось очень скоро убраться по-добру по-здорову. Во всем такой хаос, в коем трудно разобраться. Население, добрые мужички недовольны; они не имеют определенного заработка, их душат огромные налоги, на все наложенные, даже на курицу и яйца; невыносимая дороговизна всего того, что необходимо для жизни; мануфактура и пр. По высоте цен все это не соответствует тому, что выручат мужичек продажей продуктов земли. Многие поэтому бросают землю и идут в город, надеясь там на всякое благополучие; и вот таким образом увеличивается число безработных. Хорошо лишь разным миллионерам, бесчисленным комиссарам, заведывающим разными отделами и коммунарам, кон, кроме крупных пайков, получают крупные взятки со всего, а более всего с самогонщиков водки. Водка в изобилии во всех деревнях, и много она ест хлеба за счет голодающих.» (Нов. Вр., 30 сент. 1923 г., № 729).

«В Кубанце» помещено следующее письмо из советской России, полученное одним из казаков Кубанской дивизии:

«10 октября 1923 г.

Получил твое письмо, очень тоскливое и нерадостное. Из содержания его видно, что «вы» уже выходились совершенно, потеряли всякую надежду и в будущем «вас» не ожидать такими, какими «вы» ушли от нас. Я просто себе не могу уяснить, что вы там делаете. Какого черта вы там сидите — не идете к нам выручать нас из жидовской неволи-рабства. Мы давно уже кричим караул.

Я себе не могу уяснить, чего вы ждете. Почему вы не идете спасать Родину-Россию, которой сейчас не существует; ту бывшую великую и сильную Россию и славный русский народ, предки которого в свое время неоднократно спасали братьев-славян.

Я удивляюсь всевозможным запросам: «какие общества, категории его и т. д.». В жидовско-хамской России существует: 1) привилегированное красное дворянство (сюда входят: евреи, босовня, беднота, разбойники и русские хриstopродавцы); 2) крестьянство, служащие и элемент торговли (кулачество, буржуазное и контр-револ.).

Все ответственные должности занимают граждане жидовского происхождения (обрезаны). Их сотрудниками вся бывшая босовня, воры, мошенники, уголовные преступники, беднота и русские хриstopродавцы. Остальные слои в состав общества не входят и считаются неблагонадежным элементом и даже вредным; на него, главным образом, легло все бремя налогов, существующих в совдепии.

Ты, вероятно, себе не представляешь налоговых ужасов, проводимых в Совроссии. Я до осени не имел даже стола, кровати, скамеек и т. д... Словом, спали на полу, кушали из кастрюли по очереди, за неимением ложек и тарелок: обед состоял из кукурузной муки (мамалыга и лепешки из муки пополам с ячменем); и в то же время подлежал налогам... зимой уплатил «труд-гуж-налог» по 30 миллионов за душу; летом душевой — 270 миллионов рублей; в сентябре — 5 700 000 р. подоходно-преимущественный и т. д. Крестьянство, вообще, облагается вовсю, и все это идет на поддержание агитации за границей и обогащение «красного дворянства».

В Совроссии есть два общества: привилегированное и крепостное-рабское. Второе по численности преобладающее, между собой враждующее, особенно второе, за которым перевес и сила в будущем, которое с нетерпением ждет случая (войны) для уничтожения жидовско-хамского царства.

Армия (красная) состоит из призывников, которых до призыва обучают и они отбывают лагерные сборы; все командные должности и ответственные посты занимают «красные дворяне из жидов».

Общество нравственно пало до неузнаваемости, его нечеловеческая, скотообразная жизнь превратила в полудикое, слепо повиновующееся животное, оно нравственно убито навсегда. Правда, в городе можно видеть общество разодетое, разукрашенное золотом, это жены и мамы главных заправил государства. Бывают и зечера и балы, тоже в названном обществе. Остальное полуголод, оборванное, исхудалое, босое, униженное до неузнаваемости, запуганное, еле таскающее ноги, добывает непосильным трудом хлеб...

Религия свое отстояла: массы ее поддержали и сейчас идет по старому...

Словом, я затрудняюсь тебе все написать... одно скажу, что главная масса кричит какрул, призывает помощь, но ее нет. Мелчайшие новости о свержении кабалы коммунизма страшно интересуют общество, оно ждет начала этого. Общество проклинает Англию и Францию за то, что они оттягивают и не приступают к ликвидации хамской России...

Сие письмо пошло в Париж, в русскую газету, или в штаб Врангеля: пусть весь мир знает, что мы кричим о помощи... (Нов. Вр., 14 дек. 1923 г., № 792).

«В «Кубанце» находим выдержки из ряда писем, полученных с Родины казаками Кубанской дивизии, работающими в районе Врангеля».

Приводим некоторые из них, как наиболее характеризующие быт и настроение нашей южной деревни.

«24 октября 1923 г.

...Новостей особых нету. Грабежи идут во всю. Порядки, порядки. Живемо, як горох при дорози. Кто ны схоче, той и не щипне. Да, живемо так, як Бог велит, чисто по граждански. У нас сейчас землю делят. Думаем ихать орать, а хочь боронить... Спряглось 6 граждан. Вот яка наша типерь работа. Перед Покровом забралась ночни гости до нас у хату — пишлы не в дверь, а прямо в викно, — та в сундук, тай забрали мою одежду и жены моей, та типерь и живем на прочих правах...»

«4 сентября 1923 г.

...Трудно жить на свете — такой камень, что нельзя с души скинуть. Ну ничего, може он оторвеца... Такое воровство, что нельзя жить. Все воры вооружены. Нам нельзя и ложи держать во дворе... Стоять пара волов 200 миллиардов, одна коняка 20 миллиардов, 1 пуд пшеницы 130 миллионоив, сапоги 7 миллиардов. Нельзя жить. Сарпинки аршин... 180 миллионоив. Такая жизнь, что волосы дыбом становятся. Голые и босые... Я жалею, что не там, ну вертаться нельзя, а ждем вас... Я посылаю пнсьма доплатни, потому в нас хоть и миллионы, но не за что торговать. Скота нет, хлеба хватило на иасинья. Так живем, тай только робым кому то...»

«16 сентября 1923 г.

...Фунт хлеба 10 миллионоив, а паршивая селедка 100 миллионоив, а о коженном товаре и мануфактуре я и писать не буду... Все голы, все босы. Один исход — приобретаем мануфактуру и кожи своими руками, свое изделие, — тем и одеваемся и обуваемся. Увы темпа страна, увы бедна она, увы несчастна она, увы в слезах жалких она, увы несчастной нет покрова, забито кругом темной мглой. Припев — взойди о ясное солнце, о ясное солнце, вечерняя заря... Заря не взошла...»

«18 сентября 1923 г.

...Теперь, на это лето, на 24-й год все отказываются от земли — невозможно пользоваться землею, дюже сильный продналог. Теперь то мужики говорят: «Кабы откуда нибудь перевернулся власть, так мы кольями билн жидов, это они нас мутят...» (Нов. Вр., 3 января 1924 г., № 809).

Если бы голод явился действительно только стихийным бедствием, как утверждают большевики и те кто им верит, а не одним из способов истребления русского народа, то советская власть, не проявляя личной инициативы, не мешала бы, по крайней мере, частным лицам бороться с этим бедствием. Мы видим, однако обратное. Голод содействовал не только истреблению русского народа, но и помогал выкачивать под предлогом «помощи

голодающим» деньги из заграницы, идущие столько же на усиление советской власти в России, сколько и на пропаганду коммунизма в Европе. Помогая «голодающим в России», Европа, в сущности, помогала своим собственным коммунистам и укрепляла их позиции.

Но оставляю без доказательств и этих утверждений.

Вот что мы читаем в русской и иностранной прессе:

«Московский общественный Комитет помощи голодающим распоряжением совеской власти закрыт, большинство членов его арестовано. Еще раз большевики доказали миру необоснованность мнения, будто они идут на уступки и эволюционируют». (Ежедневник Высш. Мон. Сов. № 4, от 4 сентября 1921 г.).

«По сведениям из Москвы, 3 члена комитета помощи голодающим — Кишкин, Кусков и Анархасов приговорены к смертной казни. На запрос Нансена по этому вопросу, из Москвы дан уклончивый ответ». (Там же, № 10, от 16 октября 1921 г.).

«В Нью-Йоркской газете «N. Y. Times» от 23 августа 1921 года приводятся сведения о количестве заграничного золота, привезенного в Америку за последнее время или ожидаемого к поступлению в местные банки. Между прочим сообщается, что банк Кун, Лейба и К°, главою которого состоял умерший еврей Яков Шиф, субсидировавший русские революции в 1905 и 1917 гг., за время с 1 января текущего года, получил золота из заграницы на сумму 102 290 000 долларов. Несомненно, что значительная часть этого золота не может быть иного происхождения, как большевического»... (Там же, № 8).

«Хувер опубликовал сообщение, разоблачение мошенническую проделку большевических агентов в С. Штатах, пытавшихся под флагом помощи голодающим собирать деньги для целей коммунистической пропаганды.

В Чикаго несколько времени назад основан был т. н. «Американский Комитет Помощи Голодающим в России». Комитет рассылает письма различным учреждениям и частным лицам с просьбой жертвовать в пользу голодающих. Таким путем Комитету удалось собрать не менее 500 000 долларов.

Одно из воззваний Комитета попало в руки губернатора штата Idaho, Девиса. Губернатору показалось подозрительным письмо и он снесся с Вашингтоном. По расследовании оказалось, что «Американский Комитет» в Чикаго ни в каких отношениях с американскими организациями помощи России не состоит и что собранные им средства идут на цели пропаганды.

Во главе самозванного Комитета стояли Дубовский и Гартман. Последний, как обнаружилось, поддерживал самые тесные отношения с бывшим советским послом в Америке Мартенсом.» (Там же, № 29, от 13 февр. 1922 г.).

Этих и подобных сведений так много, что нет никакой возможности собрать их, ибо, повторяю, что один перечень их составил бы содержание нескольких томов. В полной мере, посему, справедлива передовая статья «Еженедельника Выш. Монарх. Совета» от 6 марта 1922 года, № 32, под заглавием «Итоги революции», где, между прочим говорится:

«...Результаты освобождения «Императором Александром II крестьян от крепостной зависимости полностью уничтожены. Большеванками установлено для крестьянского населения нечто во много крат худшее, чем крепостное право, что то граничащее с самым первобытным рабством. Благодаря невиданным насилиям и грабёжам, крестьянское население, обнищавшее и лишённое лошадей, скота и семян, обречено во многих местах на любую голодную смерть. Большевинческие газеты ныне уже не скрывают, что десять миллионов крестьян обречены на голодную смерть и что во многих местностях обезумевшее от лишений население утоляет муки голода трупами умерших. Россия — житница Европы при Царях, благодаря революции стала страной, вымирающей от голода. Всякая духовная жизнь в России уничтожена. Терроризованное бессудными и чудовищными казнями, население боится вслух, даже в присутствии близких, выражать свои мнения и чувства. Молодежь и дети искусственно развращаются врагами Христа, которые всеми способами и не стесняясь в средствах стремятся уничтожить христианство в православной России...»

ГЛАВА 35

III. Нравственные пытки

Я указал на то, что одним из способов истребления русского народа жидами были также нравственные пытки.

В чем же они заключались и какие причины заставляли даже глубоко верующих людей подавлять в себе страх перед загробной участью самоубийц и лишать себя жизни?

Этих причин было много, и я укажу только на несколько из них.

Я уже упоминал, что в Крыму, служащие в больницах сестры милосердия лишали себя жизни, чтобы избежать бесчестия со стороны озверевших большевиков. Но такого рода случаи были не только в Крыму и не только в больницах, а являлись прямым результатом декретов советской власти о так называемой «социализации женщин», и наблюдались повсеместно в России.

В условиях беженской жизни трудно пользоваться первоисточниками, и приходится довольствоваться только материалами, имеющимися под рукой. Я ограничиваюсь, посему, лишь сведениями по этому вопросу, заключающимися в защитительной речи адвоката Обера по делу Конради и Полунина, обвинявшихся в убийстве одного из агентов советской власти Воровского. Материал, приведенный в этой речи, основан на документальных данных и, конечно, не вызывает ни малейших сомнений с своей достоверности. Вот что мы читаем на странице 73-й, изданной газетой «Новое Время» книжки: «Речь Обера»:

«Декрет от 1918 года, был применением в некоторых городах. С 18-ти лет девушка обязана вступить во временную связь, которую ей предпишут народные комиссары. Во Владимире молодые девушки 18-ти летнего возраста были принуждены записаться в специальном бюро для того, чтобы вступить в связь по принуждению. Какне то два человека, совершенно неизвестные, появились в городе, захватили двух молодых девушек и получили разрешение на их увоз. Их больше никогда не видели. Генерал Пуль пишет 11 января 1919 года английскому военному министерству, что во многих городах были организованы комиссарнаты свободной любви и что почтенные женщины подвергались публичному сечению в силу отказа повиноваться. В Екатеринодаре большевическое начальство выдает мандаты с правом социализировать молодых девушек по своему выбору. Более 60 молодых девушек были реквизированы, некоторые из них после изнасилования были брошены в реку. Вот текст этого мандата: «Товарищ Карасев имеет право социализировать в городе Екатеринодаре 10 молодых девушек от 16 до 20 лет, по своему выбору.» Генерал Нокс посылает военному министерству документ, найденный на одном захваченном красном комиссаре: «Сим удостоверяется, что товарищ Единоинков уполномочен взять для себя молодую девушку. Никто не должен оказывать ему никакого сопротивления.. Он снабжен неограниченными полномочиями, что и удостоверяется подписью.» Адвокат Обер предъявил Лозанскому суду даже фотографический снимок одного из таких документов.

Приводя эти факты г. Обер не упомянул о подробностях.

Декрет о социализации женщин был издан Троцким (Бронштейном) и реквизиция 60-ти молодых девушек, о которой г. Обер упоминает в своей речи, была вызвана непосредственным распоряжением Троцкого, находившегося в то время в Екатеринодаре. Часть красноармейцев ворвалась в женские гимназии, другая устроила облавы в городском саду и тут же изнасиловала четырех учениц в возрасте от 14-18 лет. Около 30 учениц были уведены во дворец Войскового Атамана, к Троцкому,

другие в «Старокоммерческую гостиницу», к начальнику большевического конного отряда Кобзыреву, третьи — в гостиницу «Бристоль», к матросам и все были изнасилованы, после чего часть была отведена отрядом красноармейцам в неизвестном направлении и участь их осталась неизвестной, а другая, более значительная часть, была подвергнута истязаниям и, наконец, брошена в реки Кубань и Карасунь. Одна из несчастных жертв, ученица 5-го класса гимназии, подвергалась насилению в течение 12 суток группой красноармейцев, после чего ее привязали к дереву, прижигали раскаленным железом и расстреляли.

По занятии большевиками Одессы — банды красноармейцев хватили женщин и девочек, тащили их в порт, Александровский парк и дровяные склады и беспощадно глумились над ними. После таких насилий — жертвы или умирали, или сходили с ума. Прохожие с ужасом слышали раздававшиеся из парка душераздирающие крики насилуемых до смерти, после чего мгновенно наступала тишина и до их слуха доносился лишь предсмертный хрип и стон замученных жертв.

«Социализация женщин» не составляла ни самостоятельного орудия казни, ни явления, стоявшего особняком, или наблюдавшегося лишь в некоторых местах России. Нет, этот декрет проник в толщу буквально каждого шага советской жизни и цинично осуществлялся как на верхах представителями власти, так и в подвалах чрезвычайки или в казармах красноармейцев. И, если я упомянул об этом декрете, то не для того, чтобы выделить его из общего числа способов истребления русского народа, а для того, чтобы подчеркнуть тот страх перед бесчестьем, какой заставлял несчастных женщин и подростков лишать себя жизни только бы избежать позора и поругания, или медленной смерти от занесенной заразы.

Нарисуйте в своем воображении самую невероятную по ужасу картину и она явится лишь бледным отражением того, что творится в России.

Чрезвычайки с ее пытками, ужасы голода, людоедство, страх быть ежеминутно схваченным, убитым и съеденным, безумный разврат и насилдование детей, беспрестанные обыски и реквизиции, бесконечное количество декретов и распоряжений, коих невозможно не только исполнить, но и удержать в памяти, бессмысленных и противоречивых, рассчитанных на то, чтобы довести население до полного изнеможения, беспощадные кары за неисполнение этих декретов, мелочная регламентация повседневной жизни, уплотнение и выселение из квартир, принудительный труд, маскирующий глумление и издевательства; в роде очистки нечистот, копанья могил для жертв чрезвычайки и пр., многоженство и обязательные аборты, рассчитанные на

прекращение рождаемости, наконец дикие, кошунственные гонения на церковь и пр. и пр.

Куда же бежать из этого ада, где укрыться от такой страшной действительности? И несчастные люди теснее прижимались друг к другу и искали если не спасения, то хотя бы временного отдохновения в тесном кругу своих семей. Но совестская власть и здесь их настигла.

Семья перестала существовать для них... Несчастные стали бояться ее. Почему? Потому, что большевики отравили семью ядом шпионажа.

Вот что мы читаем в цитированной нами книжке: «Речь Обера», стр. 86-87:

«...Советы умеют пользоваться этим методом: разделять, чтобы властвовать. Они достигли того, что между всеми русскими развилась до такой степени подозрительность, что даже в семейном кругу люди не смеют открыто говорить. Чека, захватив когонибудь и продержав его в тюрьме несколько дней, предъявляет ему требование шпионить и доносить на своих друзей, угрожая в случае отказа, что жена, дочь, мать или отец поплатятся за это. Корреспондент «Journal des Debats» Итон приводит случай такого насильственного принуждения к шпионству самого последнего времени. *Шпионство делает невозможным никакое восстание, потому что там никто не может доверять другому.* Всякий новый заключенный в ГПУ приглашается сделаться шпионом. Человек должен сделать выбор между своей семьей и своими друзьями. Шпионы везде, в тюрьмах, в магазинах, на улицах, даже в семье. О, какое дьявольское дело сделали эти люди нельзя доверять ни друзьям, ни близким, ни родным...

В советах людей доводят приемами медленной пытки до состояния безумия. Вот где постигается весь ужас предательства своих родных и друзей. Да будут прокляты люди сделавшие такое злое дело! «Нет достаточно сильных выражений», пишет в июне 1923 года корреспондент «Таймса», «чтобы описать мерзости этой дьявольской системы. Жертвами по большей части являются женщины, служащие переводчицами у иностранных корреспондентов, учительницы русского языка, гувернантки у иностранцев, горничные и другая прислуга. Точно также и мужчины попадают в ту же ловушку; они внезапно исчезают в течение нескольких дней, потом возвращаются с бледными лицами и большей частью говорят, что они больны. Иногда ужасная правда прорывается из их уст с мольбою, чтобы все осталось правдой. Вот что приводит в России к полному разобщению между людьми!» «О, если бы даже Ленин принес для своей страны, восклицает благородный Обер, вместо нищеты, вместо голода,

вместо полной разрухи — благоденствие, то одного факта, что он отравил русскую душу таким смертельным ядом, было бы достаточно, чтобы оправдать выстрел Конради. Они не виновны, эти два русских офицера, вы не можете их осудить; если бы вы сказали, что они виновны, *возмутилась бы совесть всего мира...* Большевизм это величайшее преступление в истории человечества... Большевизм уничтожил труд человека, он убил его тело, он умертвил его душу. Теперь он набросился на Бога»...

Такой приговор большевизму сделал иностранец, который только *слышал* об ужасах, нарисованных нами в настоящей главе.. Что же должны сказать те, которые *видели* эти ужасы или на себе пережили их? Швейцария не только оправдала Конради и Полунина, но и возвела содеянное или «преступление» на высоту великого подвига, явив своим приговором подлинный голос мировой совести... Что же должны испытывать другие два офицера П. Шабельский и С. Таборицкий, приговоренные за такое же «преступление» Берлинским судом к тюремному заключению? Знали ли немецкие обвинители, как содрогнулась мировая совесть, услышав их приговор над теми, перед которыми с благоговением склонились все честные люди? А Воровский был только одним из винтиков той адской машины, какую строил и приводил в движение Милюков и подобные ему исчадия ада. Много нужно сделать Германии, чтобы искупить свою вину перед Россией, многое уже и делается ценой собственных страданий, но приговор над С. Таборицким и П. Шабельским еще ждет искупления...

После всего описанного, не трудно представить себе характер советского быта в России, вообразить себе результаты сатанинских приемов власти, превративших Россию в кладбище и развалины. Однако я приведу несколько иллюстраций этого проклятого быта.

«Демобилизованный красноармеец рассказывает, как он приехал домой и его там чуть самосудом не встретили. «Известно публика темная, да притом кулацкий элемент. Спрашиваю, довольны ли своей крестьянской властью. Они галдят. Папаша у меня старого завета. Зажиточный человек. Что с ним было!.. Каждый день грыземся. Раз заспорили на политическую тему. Я слово, он мне десять. Разъярились оба. Стал он ругать и меня и власть, грабители говорят все вы и с Лениным вашим. Не унимается старик. Помутилось у меня. Схватил винтовку, наповал убил. Сбежались мужики, чуть нас на месте не разорвали. Еле Совет спас.» Ежедневник Высш. Мон. Сов. № 62, от 23 октября 1922 г.).

«Мой собеседник выехал из Москвы 8 мая н.св. стиля... Он рассказывает:

Почти все магазины в руках евреев. Получается вообще впечатление, будто русский человек попал в дореволюционное время в черту еврейской оседлости. Свыше половины современного населения Москвы — евреи.

В советских учреждениях поражает обилие служащих евреев. И вот что чрезвычайно характерно. Во всех советских учреждениях отношение к просителям русского происхождения чрезвычайно пренебрежительное, даже грубое. Совсем иначе обходятся с евреями. Для них широко раскрыты все двери.

Кроме евреев в Москве встречается довольно много китайцев и латышей.

Много в Москве извозчиков. Они по старому называют своих клиентов «барином» и предлагают провезти за «двугривенный» (20 миллионов р.) или за «пятиалтынный» (15 милл.).

Улицы в Москве, как и в первые медовые месяцы великой и бескровной, засорены шелухой от подсолнухов.

Москва — это город советских иуво-ришей, где еврейская наглость и безвкусице конкурируют с нравами лакейских и кухонь.

Для вновь прибывающего жизнь в Москве, разумеется, покажется весьма тяжелой. Цены в гостиницах совершенно недоступны для простых смертных. Достать же комнату, даже угол, в частной квартире крайне затруднительно. Москва до- нельзя переполнена и квартиры уплотнены.

Гарнизон Москвы содержится в исправности. Солдаты одеты и обуты хорошо, даже щегольски; получают достаточный паек.

Совсем иначе вне Москвы, где солдаты ходят в деревенских колodках, иногда босы, в рваном обмундировании, часто голодают.

— Что сказать об отношении населения к сов. власти?

Интеллигенция забита, пикнуть не смеет. Боятся высказывать свое мнение, ибо даже хорошие знакомые не доверяют друг другу. Везде сыск и провокация.

Простой народ, особенно крестьяне, не стесняются высказывать свою ненависть к совет. власти, но население обезоружено и потому бороться не в состоянии.

Общее мнение, что сов. власть не может долго просуществовать. Но никто не знает, как именно произойдет ее свержение.

Красная армия?

В провинции — она безусловно враждебна к сов. власти. Но везде существует такой идеальный сыск, что малейший намек на заговор моментально раскрывается и всякий беспорядок беспомощно подавляется.

Народ настолько устал от войны, что никакая мобилизация безусловно не пройдет.

Советская власть отлично учитывает это народное настроение.

Вот почему сов. власть безумно боится всяких внешних осложнений; боится возможности войны и готова поэтому на все жертвы, лишь бы ее избежать.

Когда этой весной распространился слух о возможности войны с Польшей, Москва была в панике.

Сов. власть сознавала, что объявление о мобилизации может явиться началом контр-революции... Б. Ю.» (Нов. Вр. от 10 июля 1923 г., № 659).

Еще один вид ограбления, разрушения и уничтожения особенно присущ гг. коммунарам-товарищам: это уничтожение надгробных памятников и разрытие могил, где все надеются найти разные драгоценности, чего на деле не оказывается. Ограничиваются поэтому стаскиванием сапог с покойников, не особенно давно похороненных.

Раскапывая могилы, выбрасывали тела покойников и, не находя ожидаемых богатств, не давали себе труда закапывать их вновь. И тела эти валялись на кладбищах, пока не находилась сострадательная душа или возмущенная таким кощунством, которая бы похоронила бранные останки людей, преданных покою...

В начале войны в 1914 году мы с внуком поехали в Москве в Симонов монастырь отслужить панихиду по моему деду и бабушке. Поводом тому было получение внуком дворянской медали за Отечественную войну 1812, 13, 14 и 15 гг., пожалованной моему деду и сделанной Высочайшим указом Императора Николая II потомственной для старших в роде, в силу чего внук мой, 17-летний юноша, и получил ее.

Симонов монастырь славился тем, что в нем в особенном порядке содержались надгробные памятники. Каково было наше удивление, когда мы не могли найти памятника наших предков. И вообще, всегда образцово содержимое в ограде монастыря, кладбище представляло собой кучи сора, извести, камней, кирпича, мрамора, земли. На мой вопрос, что это значит — джуривший монах с грустью мне ответил: это работа рабочих в 1905 г. Они ворвались сюда во время беспорядков и усмирения их Дубасовым и Мином и поломали и исковеркали памятники и часовни, особенно титулованных, а средств возобновить все это у монастыря нет, да и трудно разобраться...

Пришлось служить панихиду приблизительно на том месте, где находился родной наш фамильный памятник... А что же теперь, когда подобная мерзость поощряется. Всюду, где были усыпальницы, все разрушено, тела повыкиданы.

Недавно мой знакомый ездил в Колычево, близ Москвы (25 верст), именно бывшее барона Мих. Львовича Бобе Колычсва.

Барон Боде особенно дорожил своей Колычевской родней, предками и в своем имении собирал и хоронил всех похороненных в разных местах почивших предков и родственников. Таким образом около церкви похоронено изрядное количество бояр Колычевых. При этом на надгробных плитах описывались доблести предка тут похороненного. Так например, такой-то Колычев служил там-то, был тем-то, получил золотое оружие за храбрость; такой-то получил золотой камергерский ключ и мундир и т. д. Это подало повод местным коммунарам предположить, не похоронено ли золотое оружие с получившими его. Соблазнительны также камергерские мундиры и ключи...

И вот все могилы Колычевых раскопали, тела выкинули и кроме истлевших лоскутов от мундиров и костей ничего, конечно, не нашли. Кости и бранные останки валялись около раскопанных могил. И вот в один не прекрасный день случайно заехал проездом мой знакомый в Колычево и видит он, что молодежь деревенская играет в какую-то нгру, вроде мяча, перекидываясь чем-то странным. Оказалось, что перекидываются не мячиком, а черепами, оставшимися не похороненными от костяков Колычевых. Иллюстрация современных нравов.

Да и культура понимается своеобразно. Когда меня из моего дома, в котором я полвека жил, из родного гнезда заставили уехать навсегда и гг. коммунары стали занимать его — один из этих мне известных местных негодяев нашел нужным многозначительно сказать: «вы должны быть довольны, что в нашем доме мы устраиваем культурно-просветительный пункт». И в это время его бабы располагались в моей прекрасной столовой с своим скарбом и поросятами, которые хрюкали и бегали по столовой. Я не утерпел ему ответить: «я, действительно, вижу разительный прогресс. Даже в Англии, где отличный уход за скотом, я не видел, чтобы свиньи содержались и жили на паркетных полах. Не знаю, поняли ли меня гг. коммунары. Они всякую возводили потом на меня небылницу и клевету и кончили тем, что и дом мой сожгли, чудесный в 22 комнаты, хорошо меблированный. Но, признаюсь, не жалел, ибо снявши голову, по волосам не плачут, а огонь очищает. Доктора мне говорили, что дом до того был загажен коммунистами, что сделался очагом заразы, а мне приятно было знать, что дву- и четвероногие свиньи не живут уже в хоромах, где я когда-то жил с дорогой мне семьей. Вообще уничтожение усадеб, как и памятников, систематично продолжается и посейчас, а где еще кое-где уцелели дома — их разбирают до основания.

Казалось бы, реформы Александра II не даром заслужили ему название «Освободителя», и предшествующие пынешнему два поколения, отцы и деды, особенно чтить память Императора

Алексаида II и во многих не только городах, но и селах были поставлены ему памятники. Теперь их всюду ломают, а где не осилит сломать, то забивают досками.

Вообще, как я сказал, уничтожение памятников входит в программу действий гг. коммунаров. На Тульском оружейном заводе был поставлен очень хороший памятник Петру I, основателю завода. Петр изображен рабочим, кующим железным молотом оружие. Так и этот памятник Царскому Работнику сломали до основания — уничтожили след. Где, мол, ему равняться с теперешними работниками... Куда они выше... Петра. Где ему за ними?... Д.» (Там же, 13 октября 1923 г., № 740).

ГЛАВА 36

Положение детей в Советской России

«В сентябре в Москве слушалось в уголовном народном трибунале характерное для времени дело по обвинению в разбое трех гимназистов.

Воспитанники Борисоглебской гимназии (Тамбовской губ.) Карелин, Игумнов и Величко явились на квартиру своего товарища Варезкина и предложили ему сыграть партию в шахматы с тем, что проигравший застрелится. Партия началась и Варезкин проиграл, но стреляться не пожелал. Товарищи попробовали его задушить, но не смогли и тогда 16-летний Карелин застрелил Варезкина из револьвера.

На выстрелы прибежала в комнату г-жа Варезкина; застрелили и ее, наконец в кухне нашли перепуганного младшего Варезкина, гимназистика 11 лет, застрелили и его. Квартиру ограбили; уходя, заметили, что старший Варезкин и мать его живы; за отсутствием патронов раненых начали добивать штыком, нанеся каждому около 20 ран. Преступление более месяца не было раскрыто и обнаружилось случайно. Карелин, вздумав реализовать ценности, вошел в соглашение с кондуктором железной дороги, который отвез их в Тифлис и там обменял на рис и спирт. При распределении прибылей была обижена любовница кондуктора и она донесла о преступлении.

По приговору суда Величко и Игумнов были присуждены к расстрелу, прочие к десятилетнему тюремному заключению.

Таковы нравы советской молодежи!» (Нов. Вр., 30 ноября 1923 г., № 781).

А вот положение малолетних детей, сознательно обрекаемых советской властью на вымирание:

«Советские Известия» не делают особой разницы между нашествием саранчи и сусликов и... детей. И то и другое цинично оценивается с точки зрения стихийного бедствия, с которым нужно бороться едва ли не одинаковыми средствами.

«У нас новое неслыханное бедствие, — пишет московская большевистская газета, — нашествие детей». Это не опечатка: не мышей, не сусликов, а именно детей. Представьте себе такую картину. На тысячу верст из разных мест, группами и в одиночку бредут по дорогам дети. Они идут пешком, пристраиваются на поездах под вагонами и на буферах, бродяжат по много месяцев и являются в полном смысле бесприютными. Бродяжничая по Руси в поисках хорошего жилья, они слышат разговоры о том, что есть большой город Москва, где берут детей на прокорм. И вот все они двинулись в Москву стихийно, самотеком».

Конечно, в советской Москве дети голодают, никто их не берет на «прокорм», т. к. «прокорм» сам нужен коммунистам и прочим содержанцам III интернационала.

Среди детей-бродяжек, как удостоверяют «Известия», много случаев самоубийств.» (Нов. Вр., 1 авг. 1923 г., № 677).

Нельзя не отметить и статьи Е. Глуховцовой, напечатанной в «Русской Газете» 31 декабря 1923 г., № 8; приводим ее целиком.

«Дети — наше будущее». «При царизме тысячами гибли от голода пролетарские дети, только рабоче-крестьянское правительство пришло им на помощь». «Дети пролетариата, великие вожди революции Ленин и Троцкий сделают вас хозяевами вашей жизни».

Этими нагло лживыми лозунгами-рекламами пестрят стены всех учреждений и ни в чем так ярко не проявляется истинная сущность бандитского правительства, как в этих широко вещаниях о беспризорных детях. Возьмите официоз «Вестник Социального Воспитания», прочитайте отчеты: как прекрасно, широко разработан план и как много проведено в осуществление. Какие «достижения»! А вот что показывает неприкрашенная действительность.

«Дворец ребенка» — кричит аршинными буквами вывеска. Это первая ячейка плана социального воспитания. Прекрасное здание: светлые, чистые комнаты; масса служащих женщин «своих», бросающихся в глаза костюмами и упитанным видом и несколько десятков восково-желтых скелетиков, неподвижно сидящих в высоких креслицах, без улыбок, без обычного птичьего щебета. Некоторые лежат в кроватках и тихо пищат. Жуткое впечатление. Здесь воспитываются ребята от 2-х месячных и могут оставаться до 3-х лет. Но трехлетних и даже годовалых нет. Это официальная фабрика «ангелов». По отчетам вымирает 85% детей; по уверениям врачей — умирают все 100%, причем большинство

погибает через две-три недели. А между прочим ассигнования на «Дворец» огромные: какао, молоко, яйца и прочие деликатесы нам, смертным, недоступные — выдаются в неограниченном количестве и разговоры о пирях во «Дворце» нередко облетают город. В чем же дело? Заведует «Дворцом» супруга помощника губпрокурора Лондон. У нее своя большая семья, выработались привычки к хорошей жизни и живя сама, она дает жить и набранному ею штату, а у штата мамыши и папашы, которые не прочь выпить стакан какао и любят молочное. Открыто растаскивается по домам предназначенное младенцам; из большого штата служащих на-лицо — особенно по вечерам — две, три. И ребят поят прокисшим, разбавленным молоком, часто и вовсе забывают накормить и с шести часов вечера они предоставлены сами себе.

Затяла было историю одна коммунистка, командированная партией на три недели в Харьков и оставившая девятимесячную, прекрасно упитанную дочку во «Дворец», которую она не нашла в живых вернувшись, но историю быстро потушили. Девочка, оказывается, умерла от тоски по матери. Слишком уж сильны то-варищи Лондона.

2-я ячейка — «коллектор». Учреждение, куда собирают «счастливых», добившихся права быть зачисленными кандидатами в детские дома. Вот куда следовало бы направлять знатных иностранцев, пропагандирующих строительство Совдепии. Это воплощенная картина Дантова ада. В городе, где я жила, «коллектор» помещается в психиатрической больнице, в бывшем отделении «для привилегированных». Так как классовая вражда распространяется и на психически больных «буржуев», то при первых аккордах «великого октября» последние были выптаны и, по словам служащих, ограблены, помещение реквизировано.

В большой зале с колоннами, полутемной от решеток в окнах, кишит полтора десятка детей обоего пола, от 5 до 17 лет. Старший возраст преобладает. Необутые, в ужасающих лохмотьях, усыпанными паразитами, с обритыми головами; лица испитые, изможденные, явно порочные. Язвы и нарывы на голове, на ногах, у многих на лице. Два реквизированных рояля по углам. На одном — «беспризорный ребенок лет 16» разыгрывал в момент моего посещения какой то ноктюрн ногами; на другом, младший подбирал мотивы «интернационала» в десять рук. Кого то душили и он визжал, как поросенок под ножом. Часть бегала, кувыркалась, давала «под ножку», образовывая малую кучу, и все вместе кричали, так дружно и неистово, точно зарабатывали этим хорошие деньги. Три замученных девушки из народных учительниц, — оплата здесь жалкая, а потому служат только «наши», — тщетно пытались водворить порядок, но вслед им неслась особая,

многоэтажная, кощунственная брань — одно из завоеваний октября. Обедает в три очереди традиционным крупником с простым маслом. Поршни маленькие; голодные дети языками вылизывают миски и в нее тут же наливается следующему. Спят вповалку на полу, кроватей немного, на грязных соломенных тюфяках под ужасающими одеялами. Изнасилованные девятилетних девочек, беременность пятнадцатилетних — рядовое явление. Было несколько случаев избияния друг друга до смерти. Мелкие кражи получили право гражданственности, за них и не наказывают. Налегы на соседние чердаки, дома и огороды, от которых стонут обыватели, никого не озабочивают. Занятие не производится и производиться не может: на 150 человек три воспитательницы, но это и не важно. Важно, чтобы будилось революционное сознание и велось политическое воспитание. И оно ведется. Два раза в неделю в этот бедлам являются «прикрепленные» к нему три комсомольца и собирая каждый свою группу, знакомит с биографией вождей, с ужасами режима «кровавого Николая», выясняют прелести и свободы настоящего. Главное внимание направляется на разжигание классовой вражды. Мне пришлось слышать слова комсомольца, обращенные к детям: «Красть стыдно у своего брата, у пролетария; красть у буржуя совсем не стыдно, потому что все, что у него есть, он награбил у народа, и беря у буржуя силой — ты берешь свое и можешь ему сказать: взял у народа и отдай народу, не отдаешь добровольно, я беру сам».

А на стене висит огромный, многоцветный лозунг с аршинными буквами: «Только рабоче-крестьянское правительство несет свет и счастье детям пролетариата».

Во главе комиссариата народного просвещения стоит, как известно, Луначарский (Мандельштам), который говорил (цитируем по «Речи Обера», стр. 70-72), что «учебные заведения у нас для совместного обучения, с новым порядком школьной дисциплины. Мы хотим, чтобы дети воспитывались в атмосфере любви». Это тот самый Луначарский, который в другом месте и другим людям говорил: «мы ненавидим христиан. Даже лучшие из них должны быть признаны нашими врагами. Они проповедуют любовь к ближнему и сострадание, то, что противоречит нашим принципам. Христианская любовь преграждает развитие революции. Долой любовь к ближнему! То, что нам нужно — это ненависть. Мы должны уметь ненавидеть; только тогда мы можем победить вселенную». (Там же, стр. 89).

И в руках этого негодяя судьба миллионов русских детей, погубленных им не только физически, но и морально. Вот данные,

приведенные г. Обером в его речи: «В течение первого семестра (1923 г.) было зарегистрировано 29 317 преступлений, совершенных малолетними сиротами менее 17 лет». А разврат? Один из свидетелей г. Карно заявил на суде, что он знает от одной, заслуживающей полного доверия, дамы, что курсанты были впущены в спальные комнаты молодых девушек. В Петрограде комиссия установила, что 90% девочек моложе 16 лет были лишены невинности. Другой рапорт комиссии по венерическим болезням сообщает, что из 5300 молоденьких девочек, осмотренных комиссией, 4100, т. е. 88% были проститутками. В докладе, составленном педагогами, можно видеть такой возглас отчаяния: «Мы бессильны бороться с явлением небывалым в России, с громадным ростом преступности и проституции среди детей». Большевики заявили, что берут на свое попечение всех русских детей. И нигде нет столько заброшенных детей, как в России. В Волжских областях, согласно «Известиям» от 5 декабря 1922 года — 2 миллиона. На Украине, по рапорту большевических комиссаров — 1 656.000. В Петрограде — тысячи бродячих детей. «Эти дети, говорит «Таймс» от 23-28 августа 1923 г., напоминают уличных собак в Константинополе. Они мрут от голода и болезней, но число их не уменьшается, в силу все новых пополнений»...

«Перейдем теперь к большевическим приютам, продолжает Обер. Мне достаточно будет прочесть вам один доклад, представленный в комиссариат народного просвещения. Женищина, написавшая этот доклад, была посажена в тюрьму. Луначарский, филантроп новой формации, признал ее контр-революционеркой. Вот этот доклад: «Число сирот и бесприютных детей растет с страшной быстротой. Дети нищенствуют, толкаемые голодом и холодом занимаются воровством, их часто можно видеть пьяными. Целыми толпами беспризорные дети направляются на юг. Вдоль железных дорог можно видеть толпы детей, прячущихся в помещениях, которые они сами себе устроили... Ребенок сделался дик и всеми средствами ищет куда бы ему скрыться. В убежищах для бесприютных детей на одной постели помещается от 6-8, остальные спят на полу, они едят из старых консервных банок, у многих отморожены руки и ноги, их тело покрыто лишаями и ранами, их съедают вши, дети издают какие то крики от страдания и страха.» В Саратовской губернии власти открыто заявили, что лучше перестрелять всех тех, которые находятся в приютах, чем оставить их жить при таких условиях.» (стр. 70-72).

«Свобода» печати в Советской России

В газете «Новое Время», от 10 июля 1927 г., № 1854 приведено замечательное письмо русских писателей из России, полученное «Союзом русских писателей и журналистов» в Белграде. Этот документ должен быть увековечен, как подлинный голос русских великомученников, томящихся в жидовской кабале. Я воспроизведу письмо дословно, хотя выпады авторов против «политики дореволюционной власти» и некоторые другие места, отмеченные мною курсивом, и свидетельствуют о том, что даже там, в России, после 10 летних кровавых экспериментов жидовласти, далеко еще не все прозрели по настоящему, если допускают даже отдаленную связь между «политикой дореволюционной власти» и революцией, или думают, что «писатели», особенно те, кто откликнулся на дореволюционные события в России, клеймил царскую власть и «затупался» на «народ» — являлись действительно «ухом, глазом и совестью мира». Большинство их помогало революции и, потому, и откликалось, разжигая страсти и вводя в заблуждение доверчивых и легкомысленных людей, ставших жертвой своей доверчивости.

ПИСАТЕЛЯМ МИРА

К вам, писатели мира, обращены наши слова

Чем объяснить, что Вы, прозорливцы, проникающие в глубины души человеческой, в душу эпох и народов, проходите мимо нас, русских, обреченных грызть цепи страшной тюрьмы, воздвигнутой слову? Почему Вы, воспитанные на творениях также и наших гениев слова, молчите, когда великой стране идет удушение великой литературы в ее зрелых плодах и ее зародышах?

Или Вы не знаете о нашей тюрьме для слова — о коммунистической цензуре во вторую четверть XX века, о цензуре «социалистического» государства? Зонмсья, что это так. Но почему же писатели, посетившие Россию — господа Дюгамель, Дюртен и другие — почему они, вернувшись домой, ничего не сообщили о ней? Или их не интересовало положение печати в России. Или они смотрели и не видели, видели и не поняли? Нам больно от мысли, что зной казенных бокалов с казенным шампанским, которым угощали в России иностранных писателей, заглушил лязг цепей, надетых на нашу литературу и весь русский народ?

Послушайте, узнайте!

Идеализм, огромное течение русской художественной литературы, считается государственным преступлением. Наши классики этого направления изъеются из всех общедоступных библиотек. Их участь разделяют работы историков и философов, отвергавших материалистические взгляды. Набегами особых инструкторов из общих библиотек и книжных магазинов конфискуется вся дореволюционная детская литература и все произведения народного эпоса. Современные писатели, заподозренные в идеализме, лишены не только возможности, но и всякой надежды на возможность издать свои произведения. Самы они, как враги и разрушители современного общественного строя, изгоняются со всех служб и лишаются всякого заработка.

Это первая стена тюрьмы, за которую засажено свободное слово. За ней идет вторая.

Всякая рукопись, идущая в типографию, должна быть предварительно представлена в двух экземплярах в цензуру. Окончательно отпечатанная, она идет туда снова — для второго чтения и проверки. Бывали случаи, когда отдельные фразы, одно слово и даже одна буква в слове (заглавная буква в слове «Бог»), пропущенные цензором, автором, издателем и корректором, вели при второй цензуре к безжалостной конфискации всего издания.

Аппробации цензора подлежат все произведения — даже работы по химии, астрономии, математике. Последующая авторская корректура в них может производиться лишь по особому, каждый раз, согласию цензора. Без него типография не смеет внести в набор ни одной поправки.

Без предварительного разрешения цензора, без специального прошения с гербовыми марками, без долгого ожидания, пока заваленный работой цензор дойдет до клочка бумаги с вашим именем и фамилией, при коммунистической власти нельзя отпечатать даже визитной карточки. Господа Дюгамель, Дюртен могли легко заметить, что даже театральные плакаты с надписью «не курить», «запасной выход» помечены внизу все той же сакраментальной визой цензуры, разрешающей плакаты к печати.

Есть еще и третья тюремная стена, третья линия проволочных заграждений и волчьих ям.

Для проявления частного или общественного издательства требуется специальное разрешение власти. Никому, даже научным издательствам оно не дается на срок больший 2 лет. Разрешения даются с трудом и неказенные издательства редки. Деятельность каждого из них может протекать только в рамках программы, одобренной цензурой. На полгода вперед издательства обязаны: поэтому представлять в цензуру полный список всех произведений, подготовляемых к печати, с подробными биографиями

авторов. Вне этого списка, поскольку он утвержден цензурой, издательство не смеет ничего выпускать.

При таких условиях принимается к печати лишь то, что наверняка придется по душе коммунистической цензуре. Печатается лишь то, что не расходится с обязательным для всех коммунистическим мировоззрением. Все остальное, даже крупное и талантливое, не только не может быть издано, но должно прятаться в тайниках; найденное при обыске, оно грозит арестом, ссылкой и даже расстрелом.

Один из лучших государствоведов России — проф. Лазаревский был расстрелян единственно за свой проект российской конституции, найденный у него при обыске.

Знаете ли вы все это? Чувствуете ли весь ужас положения, на которое осуждены наш язык, наше слово, наша литература?

Если знаете, если чувствуете, почему молчите Вы? Ваш громкий протест против казни Сакко, Ваицетти и других деятелей слова мы слышали, а преследования вплоть до казни лучших русских людей, повинных только в инакомыслии с властью, преследования и казни русских писателей, даже не пропагандирующих своих идей, за полной невозможностью пропаганды, проходят, повидимому, мимо Вас. В нашем застенке мы, во всяком случае, не слышали Ваших голосов возмущения и Вашего обращения к нравственному чувству народов. Почему?

Писатели! Ухо, глаз и совесть мира — откликнитесь! Не Вам утверждать: «нет власти, аще не от Бога». Вы знаете: свойства народа и свойства власти в деспотиях приходят в соответствие лишь на протяжении эпох; в короткие периоды народной жизни они могут находиться в трагическом несходстве. Вспомните годы перед нашей революцией, когда наши общественные организации, органы местного самоуправления, Государственная Дума и даже отдельные министры знали, просили, умоляли власть свернуть с дороги, ведущей в пропасть. Власть осталась слепа и глуха. Вспомните: кому вы сочувствовали тогда — кучке вокруг Распутина или народу. Кого Вы тогда осуждали и кого нравственно поддерживали? Где же Вы теперь?

Мы знаем: кроме сочувствия, кроме моральной поддержки принципам и деятелям свободы, кроме морального осуждения жесточайшей из деспотий, Вы ничем не можете помочь ни нам, ни нашему народу. Большого, однако, мы и не ждем. С тем большим напряжением мы хотим от Вас возможного: с энергией, всюду, всегда срывайте перед общественным сознанием мира истинную лицемерную маску с того страшного лица, который являет коммунистическая власть в России. Мы сами бессильны сделать это: единственное наше оружие — перо — выбито из

наших рук, воздух, которым мы дышим — литература — отнят от нас, мы сами — в тюрьме.

Ваш голос нужен не только нам и России. Подумайте и о самих себе: с дьявольской энергией, во всей своей величине, видимой только нами, Ваши народы толкаются на тот же путь ужасов и крови, на который в роковую минуту своей истории 10 лет тому назад был толкнут наш народ, надорванный войной и политикой дореволюционной власти. Мы познали этот путь на Голгофу народов и предупреждаем Вас о нем.

Мы лично гибнем. Близкий свет освобождения еще не брезжит перед нами. Многие из нас уже не в состоянии передать пережитый страшный опыт потомкам. Познайте его, изучите, опишите Вы, свободные, чтобы глаза поколений, живущих и грядущих были открыты перед ним. Сделайте это — нам легче будет умирать.

Как из тюремного подполья отправляем мы это письмо. С великим риском мы пишем его, с риском для жизни его переправят за границу. Не знаем — достигнет ли оно страниц свободной печати. Но если достигнет, если наш замогильный голос зазвучит среди Вас, закликаем Вас: *вслушайтесь, вдумайтесь. Норма поведения нашего великого покойника — Л.Н. Толстого, крикнувшего в свое время на весь мир «не могу молчать», станет тогда и Вашей нормой.*

Группа русских писателей.

Май 1927 г. Россия.

ГЛАВА 38

Земля Обетованная

Приведенные мною сведения очень кратки, отрывочны, собраны только из нескольких газет, касаются преимущественно крестьян, не затрагивают ни положения рабочих и интеллигенции, не говорят ни о развале транспорта и промышленности и, разумеется, недостаточны для того, чтобы составить себе представление о тех грандиозных разрушениях, какие превратили всю Россию в развалины. Но они достаточны для того, чтобы сказать, *кто* это сделал, *кто* скрывался за так называемым «рабоче-крестьянским правительством», достаточны, надеюсь, и для того, чтобы понять с какою целью были допущены эти разрушения.

Истребление христианского населения, ликвидация самого христианства, превращение России в «обетованную землю», в

Израильское царство с царем Иудейским, завоевание, путем мировой революции, всего мира и расширение власти иудейского царя до пределов владычества над всей вселенной, — эти цели, как они не безумны и фанатичны, лежали в основании вековых иудейских программ, и революция в России была лишь одним из этапов к достижению их.

Это не мое личное предположение, не только вывод из предыдущего, но, кроме того, и откровенное признание самих евреев, поработавших Россию и считающих свое положение в России достаточно крепким для того, чтобы не иметь нужды скрывать свои замыслы.

Вот что мы читаем в превосходной статье «Чека», напечатанной Г-жей Е. Глуховцовой в Новом Времени от 3 апреля 1924 года, в № 882. Комментарии к этой статье излишни. Мы приводим эту статью целиком. Это не слух и не рассказ с чужих слов, это — личное переживание.

Ч е к а

Это было на шестой неделе Великого поста. Мы сидели у стола: две воспитательницы, я — заведующая педагогической частью — и коммунистка К., назначенная губпартией для контролирования моих действий, как беспартийной, и оживленно высчитывали, во сколько обойдутся куличи, спеченные в складчину.

— Тов. Глуховцова, постановлением губчека вы арестованы, — неожиданно, как выстрел, раздался чеканящий голос одного из палачей — Топорельского. Мы вскочили ошеломленные. В дверях стояли два солдата с ружьями. К. взволнованно подошла к Топорельскому.

— В чем дело? Я здесь наблюдающая и могу удостоверить... Он перебил ее.

— К товарищу предъявлено тягчайшее обвинение. В Ялте ее бы расстреляли в 24 часа без суда. В Одессе власти гуманнее; но допрос поручен Гальперину; это бывший присяжный поверенный, опытный человек. Его красивыми словами не обойдешь.

— Приговор предreshен, — мелькнуло у меня в голове и я стала наставлять, чтобы взяли и мою дочь. Все горячо запротестовали, а К., которую я за два месяца успела несколько перекрасить, что благодаря ей я завязала знакомство с рабочими, шепнула мне, укладывая вещи:

— Не бойтесь. Завтра иду в партию и устрою скандал. Не поможет — натравлю рабочих. Через три дня вы будете свободны.

Тяжелое, точно в полусне, прощание с дочерью и со всеми плававшими, точно я уже была покойник, и мы вышли. Прозрачно

синело весеннее небо, пушились клейкими листочками деревья. Женщины и дети продавали первые цветы. Жуткий холодок вставал внутри при мысли, что, быть может, видишь все это в последний раз.

Узкая, длинная, полутемная камера была переполнена сидевшими почти вплотную на каменном полу женщинами. Кто то потеснился и мне дали место в углу. Как только захлопнулась дверь камеры, все устремились с вопросами ко мне: «За депикницев? Оказывается, все арестованные, — их было 14, — сидели за мужей, сыновей, братьев, все обвинялись, что прятали родных и помогали бежать. Бросались в глаза: сестра милосердия с узким, монашеского типа лицом, обвинявшаяся в выдаче поддельных пропусков «белым». Шестидесятилетняя старушка, прятанная сына, непрерывно молившая по четкам из напизанной фасоли, и помещица Кл..., жена полковника, бежать которому помогла какая-то организация. Ее арестовали вместе с дочерью, 15-летней худосочной девочкой, надеясь, что ребенок скорее выдаст фамилии нужных лиц. Первые два дня прошли спокойно; нашу камеру не трогали, и в моральном оцепенении мы томимся ожиданием. В 12 ч. принесли «передачу с воли» и казенный чай с неопрятной темной бурдой и ломтем черного хлеба. Бурду уносили обратно, хлеб съедался. В 7 часов повторялось то же. С десяти — чека стихала и входил ужас. Смолкали разговоры. Неподвижно сидели мы, боясь шевельнуться и затаив дыхание, напряженно вслушивались, не раздадутся ли роковые шаги. Вот хлопнула где-то дверь... Все вытягиваются, кое-кто привстает... Шаги... «Смерть идет»... К кому?... Кто крестится, кто судорожно впиивается в руку соседки и все пятнадцать пар глаз прикованы к двери. Шаги сворачивают в сторону и затихают. Хивотный вздох облегчения... Стыдно его, но он невольно вырывается из груди. Опять шаги... Но их больше... Иногда как будто возня... «Ведут»... Спустя мгновение — шум заведенного мотора. Бьется в истерических рыданиях измученная девочка. Старушка, быстро перебирая дрожащими руками четки, громко читает напутственные молитвы. Схватившись за голову, сидит сестра. Кто то надрывно выкрикивает: «не могу!.. не могу! Господи, где же Ты?» И во всех камерах огромного здания каждую полночь билась в судорогах страданий сотни запертых на человеческой бойне людей. Страшен был третий день. Как мы пережили его, когда теперь, три года спустя описываю его, я задыхаюсь от жгучей боли. В десять утра пришли на допрос за Кл. с дочерью — это был второй, — а часа через полтора девочку внесли в бессознательном состоянии и трупом положили на пол. Из под короткого платья багровыми опухольями синели икры. Ее стегали ремнем по ногам, требуя, чтобы назвала фамилии лиц,

помогавших бежать ее отцу. Через минуту ввели мать. Она шла шатаясь, с распущенными волосами; опустилась на пол около дочери, припикнув головой к ее лицу, и общий стон ужаса вырвался у нас. Ее голова пестрела широкими белыми плешами. Половина волос была вырвана. Около 11 ч. вечера зловещие шаги раздались близко, близко.

Неожиданно щелкнул замок, порывисто отворилась дверь. — Сестра! — Сидевшая с низко опущенной головой сестра встала так быстро, точно только и ждала этого. Странно выпрямленная, сделала несколько твердых шагов и у двери повернулась к нам. На меловом, разом состарившемся лице выделялись уже потусторонние глаза. Она отвесила широкий поясной поклон и вышла... Заход мотора и... Нет... разве можно описать! Бледно и беспильно человеческое слово. Помню только взлетевший к потолку кощунственно-злостный выкрик «Милосердный!.. Так это милосердие?...»

Ко мне отнеслись «гуманно». К. не ошиблась: протекцию в чека мне составила известная в Одессе Сара одноглазая, служившая у нас кастеляншей. Я обнаружила у нее крупную пропажу белья, и она стала просить, чтобы я написала, что белье раскрадено детьми. На мой категорический отказ, она стала отвечать угрозами и заметила мне, что «утнетаю» ее и остальных служащих — из 13 человек 9 были еврейки — ненавидя евреев. Возражая, я бросила неосторожную фразу: «Говорить об угнетении евреев, когда вся власть в их руках, как будто странно». В тот же вечер был отправлен донос за всеми подписями. Допрашивали меня двое: Гальперин, корректный еврей буржуазного типа и маленький лохматый жиденок, все время злобно кипевший. На вопрос, сказала-ли я такую фразу, я ответила утвердительно, объяснив обстоятельства и весь допрос вертелся на этом. — Значит, ваше убеждение, что власть в России в руках евреев? — Это мое впечатление. — На чем оно основано? Я называю фамилии одесских властей. — Значит, вы продолжаете настаивать? — Я не комментирую, я констатирую. Еще несколько вопросов по глупым обвинениям, что я перетягивала Сару из партии, превратила К. в «редиску», и я была отведена в камеру, где в присланных папиросах нашла записку, что рабочие отстояли меня, ссылаясь на болезнь дочери, и я буду освобождена. Через два дня меня снова повели на допрос и после вопросов о том же, Гальперин торжественно объявил: «Вы свободны, товарищ, но запомните раз навсегда: железный закон революции... власть попадает в руки умнейших и сильнейших. Русский народ — темное быдло. Русская интеллигенция — св..., ни к чему не способная; лучшими оказались мы. И потому вся власть не в руках евреев, а сильнейших и умнейших. Антисемитизм — тягчайшее

преступление в нашей республике, и вы, несомненно, антисемистка и если вы еще раз попадетесь, вас не спасет ничье заступничество».

Он встал. Поднялся и жиденок, все время игравший каким-то желтым предметом.

— Да, сильнейшие и умнейшие! — как-то визгливо выкрикнул жиденок, — так и говорите вашим! И они не скоро простят погромы и дело Бейлиса: пять поколений будут помнить! — Желтый предмет взмахнулся в воздух. Я инстинктивно закрыла лицо. Ошеломляющий удар в левую часть головы, и я потеряла сознание. Очнувшись я в камере. Левое ухо и кожа на голове были рассечены, блузка намочена от крови. В тот же день я на извозчике была доставлена в детдом. Был Страстной четверг. Куличей в склянку мне не пришлось поесть: около двух недель я пролежала с затемненным сознанием.

Глуховцова.

Еще более характерное признание жидов мы находим на страницах «Еженедельника Высш. Мон. Сов.», в № 74, от 15 января 1923 года:

«Грозные времена переживает человечество. На земле происходит страшная борьба Дьявола с Духом Света. Кто останется победителем в этой борьбе верующим угадать не трудно, но пока приспешники сатаны не спят и борьбу свою распространяют все шире и наглее. К счастью, одновременно с этим все больше раскрывают они свои карты; и лишь слепые не видят того, что в них значится, лишь предвзято настроенные могут отрицать действительную подкладку того, что совершается.

Приезжий из России рассказывает, со слов своего друга, обстановку одного еврейского концерта, когда после музыкально-вокальных исполнений вышел раввин и провозгласил: «Радуется народ Израилев» и далее сказал, что наконец, избранное племя нашло свою обетованную землю: земля эта, по определению ее же «населения», (не народа, а именно населения, подчеркнул раввин), велика и обильна, но порядка в ней нет. Еврейский народ призван дать ей порядок. Теперь в этой стране отданной во владение Израилю, исполняется пресказание, о даровании избранному племени «земли обетованной». Это было в Москве.

Но те же нотки, причем не прикрытого торжества, сквозят и за границей России, в речах приспешников всемирного еврейства. В Европе под видом лекторов от всевозможных общественных и человеколюбивых учреждений, открыто выступают проповедники антихристианских учений. Так 8 января с. г. в лагере Целла в Германии, лектором общества «Свет Востоку» г. Ассур была прочитана лекция на тему «Христос и русская эмиграция», 14-го же,

другом Ассуре, Шларбом докладывалось о том «Что ожидает нас в будущем?».

Ассур утешал русскую эмиграцию тем, что по всем признакам Священного писания должен явиться пророк, который и облегчит страдания народов. Мысль, недосказанную Асуром, развил, дополнил и уточнил Шларб, указав, что из всех древних народов евреи единственное племя, не погибшее и сохранившее, несмотря на все притеснения и гонения, все свои особенности. Из этого народа, по мнению Шларба должен появиться человек, который удовлетворит всех в политическом и религиозном отношениях. Дальше идти некуда. Невольно мысль сопоставляет слова Шларба со столь ненавистными иудеям Протоколами Сионских Мудрецов: уж очень часто происходящее за последнее время на белом свете напоминает предложенную еврею Ахад-Хамом программу.

После перечисления ряда мер: войн, искусственного голода, правительственных кризисов, развития преступности и т. д., долженствующих разрушить христианские государства в протоколе № 10 («Протоколы Сионских Мудрецов». Берлин 1922 г.) мы читаем под заголовком «Момент провозглашения всемирного царя» следующее: «Признание нашего самодержца может наступить не ранее уничтожения конституции (момента не явного захвата власти в государстве еврейском. Ред.): момент этого признания наступит, когда народы, измученные неурядицами и несознательностью правителей, нами подстроенной, воскликнут: уберите их и дайте нам одного всемирного царя, который объединил бы нас и уничтожил причины раздоров, границы, национальности, религии, государственные расчеты, который дал бы нам мир и покой, которых не можем найти с нашими правителями и представителями».

Вот он человек, способный по словам Шларба «удовлетворить всех в политическом, экономическом и религиозном отношениях». В этой выдержке из «Протоколов» надо, повидимому, искать и разгадку событий происходящих ныне и кажущихся часто столь непонятными.»

После всего сказанного, странно говорить о каком то «правительстве», хотя бы и называемом «советским».

В России *ныне нет правительства*, а есть международная шайка изуверов, осуществляющая директивы того «Незримого правительства», какое управляет всем миром не только помимо, но и против воли народов, и о котором народы не знают потому, что не знают истории и, в частности, библейской истории ветхого завета.

Разве можно при этих условиях говорить об «ошибках» или «заблуждениях» власти, или даже о «массовом психозе», когда

все эти причины сводятся к одной — порабощению народов жидами и исчезнут с момента их изгнания этими же народами, разве можно говорить о несовершенстве каких то политических программ или государственного аппарата в применении к этой власти, единственной задачей которой является истребление христианских народностей, уничтожение христианской культуры и завоевание мира?!

Все эти ссылки на русский деспотизм, на устарелые формы правления и русскую отсталость, *параллельно* с указанием на русскую — «природу», требующую соответствующего режима власти — все это или невежество или замаскированный обман. Европа знает, что русский народ неизмеримо культурнее духовно, чем европейцы, что *русское самодержавие было единственной в мире властью, пользовавшейся христианскими приемами управления*, и ставило мораль выше политики. В этом была бессмертная, неувядаемая красота русской власти и ее духовная мощь, но в этом была и ее слабость, какую Европа, никогда не брезгавшая никакими средствами для достижения своих целей и забывшая о морали, использовала для своих выгод. Русские Цари были не только героями долга и чести, но и Помазанниками Божиими и ни один из них не приносил морали в жертву политике. Император Николай II, имя Которого перейдет в историю святых Православной Церкви, оставался настолько верным союзным обязательствам, что отвергнул руку помощи со стороны немцев даже в тот момент, когда вражеская рука хотела спасти *Его и Его Семью*, сказав при этом, что предпочел бы скорее отрубить руку, чем изменить данному слову, а правители Европы протягивают руку убийцам и угощают их обедами, срывая аплодисменты у толпы, забывшей Бога. В этом разниа между Россией и Европой, и эта разниа так велика, что нужно быть очень наивным для того, чтобы ожидать от Европы не только помощи, но хотя бы сочувствия страданиям России.

И, если придет час, когда Россия отступит от своих прежних политических программ и перестанет видеть свое призвание в помощи своим соседям, то на страницах «Истории Русской революции» Европа найдет объяснение такому решению.

ГЛАВА 39

Церковь после революции

Когда государственность была окончательно сломлена и не-
сметные сокровища и богатства необъятной России попали в руки

жидов, когда скованное террором, доведенное до людоедства, несчастное население, вынужденное в поисках пропитания вырывать трупы из могил, убивать и есть даже собственных детей, потеряло уже всякую способность сопротивления, тогда жидовская власть набросилась на самое дорогое достояние русского народа и приступила к своей конечной цели — гонению на Православную Церковь.

Хотя к этой конечной цели и сводились все начинания коммунистов, хотя каждая революция знаменует собой лишь борьбу жидовства с христианством, пятиконечной звезды с крестом, однако, в области религиозных преследований, жида соблюдал не только последовательность и постепенность, но и величайшую осторожность. Их первые начинания были глубоко замаскированы, и не только не вызвали противодействия со стороны одуряченного населения, но и встречали даже сочувствие и поддержку. Впрочем, под маскою лжи и обмана протекали и все прочие «реформы», однако же, в первые годы своего владычества жида еще не решались трогать Церковь и приступили к открытому преследованию религии уже после того, когда Временное Правительство подготовило достаточную для этого почву и «рабоче-крестьянское правительство» достаточно окрепло.

Останавливаясь на положении Церкви после революции, необходимо выделить два момента: первый — до созыва Всероссийского Собора и избрания патриарха, второй — после восстановления патриаршества.

Первый момент был кратким и закончился в ноябре 1917 года, второй продолжается и донныне.

Остановимся сначала на первом моменте.

Как известно, Временное Правительство, уничтожив местные органы правительственного аппарата, оставило в неприкосновенности центральные, и проходимцы, выдвинутые революцией и пришедшие на смену прежней власти, гордо величали себя «министрами». Продолжал действовать и Св. Синод в лице своих прежних членов, с той лишь разницей, что вместо Н.П. Раева Обер-Прокурором был назначен дегенерат Вл.Н. Львов. Свидетелем его первых шагов в той роли, в которой он так лихо-радожно стремился, я не был, но слышал, что он ознаменовал свое вступление в должность тем, что выбросил из залы заседания Св. Синода царское кресло и что ему помогал в этом злодейский и один из замученных впоследствии большевиками почтенных иерархов, членов Св. Синода...

Утверждать этого последнего факта я не берусь, однако хорошо помню то страшное негодование, с которым об этом факте рассказывалось, и не имею данных для того, чтобы его опровергнуть. Следующим шагом В.Н. Львова было изгнание

неугодных ему иерархов с занимаемых ими кафедр и в первую очередь им были удалены митрополиты С.-Петербургский Питирим и Московский Макарий, причем первый был тотчас же арестован и препровожден в Государственную Думу, откуда был выпущен с обязательством покинуть столицу, а второй был вынужден уехать из Москвы и скрыться в Троицко-Сергеевскую Лавру. Однако Львов и здесь натич праповедника-митрополита и, полагая, что митрополит может использовать типографию Лавры для контр-революционных целей, сослал старца в Николо-Угрешский монастырь.

Подобно тому, как повсеместно в России губернаторы сменялись с своих должностей и заменялись либеральными председателями земских управ, углублявшими революцию, подобно этому изгонялись, без суда и следствия, правящие архиереи, и на их место, вопреки канонам, «избирались» викарные епископы... Синод, однако, был безгласен и не только не предъявлял возражений и не выражал протестов, а, уступая силе, безропотно подчинялся таким «избраниям» и даже возводил викарных епископов в сан, соответствующий их новой должности. Не возражали против своего избрания и викарные епископы, находившиеся нередко в оппозиции к правящим архиереям и усматривающие в таком избрании свою победу над ними. Так, тотчас после удаления митрополита С.-Петроградского Высокопреосвященного Питирима, на его место был набран викарный епископ Вениамин, и Синод не только не заступился за митрополита, не только не оказал сопротивления явному насилию со стороны Львова, не только не выразил протеста, что так часто делал в отношении законного представителя Царской власти в Синоде, но даже утвердил «избрание», возведя викарного епископа Вениамина в сан митрополита... Случай в летописях церковной истории небывалый.

Лично я мало знал Преосвященного Вениамина, но слышал о нем добрые отзывы, какие, верно, и были справедливы, ибо впоследствии он был зверски замучен и расстрелян большевиками и сподобился мученической кончины.

Еще более тягостное впечатление произвело отношение Синода к гонимому тем же Львовым престарелому митрополиту Московскому Макарию, одному из величайших иерархов в России, обессмертившему свое имя миссионерскими подвигами на Алтае. Великий подвижник, стяжавший славу святого, митрополит Макарий настолько резко выделялся на общем фоне иерархов, стоял уже на такой духовной высоте, что к нему стекался народ так же, как в былое время к Преподобному Серафиму или Амвросию Оптинскому, и высокий сан митрополита уже не отпугивал простецов, не заслонял собою Бога... И глядя на святого Владыку

Макария, окруженного небесной славой и так разительно напоминавшего другого Великого Молитвенника Земли Русской, О. Иоанна Кронштадтского, я дивился милосердию Божию, явившему в наши дни беззакония таких праведников, и понимал, почему одержимый дьяволом Львов не выносил святого.

Однако Синод, хотя и видел самодурство Львова, не только не заступился за праведного старца-митрополита, но, уступая настояниям Львова, уволил митрополита на покой и утвердил «избрание» на Московскую кафедру Виленского архиепископа Тихона, сумевшего и после поездки своей в Tobольск для канонизации Святителя Иоанна, увенчавшей его бриллиантовым крестом на клубок, расположение к себе со стороны Синода, несмотря на враждебное отношение последнего к архиепископу Варнаве, возбудившему означенное ходатайство.

Вслед за лишением Московской кафедры, праведный старец, как я уже упоминал, был сослан в Троицко-Сергиевскую Лавру, затем переведен в Николо-Угрешский монастырь, где и оставался до упразднения обители, и, наконец, вынужден был переехать в село Котельники, Московского уезда, где 16 февраля 1926 года мирно почил о Господе, на 92-м году жизни. Много книг нужно было бы написать, чтобы вкратце очертить облик почившего праведника, являвшего примером своей жизни, особенно в последние годы борьбы с большевиками, такую изумительную веру в всемогущество Божие, которая обезоружила сатанистов, совершавших неоднократно нападения на монастырь, с целью убить митрополита, и всякий раз отгоняемых невидимой силой Божией. Кто знает, что несколько разбойников, коим удалось проникнуть в монастырь и даже приблизиться к дверям кельи праведного старца, мгновенно ослепли и затем на коленях и со слезами вымаливали прощение, ссылаясь на то, что действовали по принуждению, а не по доброй воле, что в другой раз густое облако окутало целую роту красноармейцев, приближавшихся к Николо-Угрешскому монастырю с целью убить митрополита, и они сбились с пути и, проблуждав до полной ночи, вернулись обратно в Москву, не выполнив заданного поручения...

И точно, почивший митрополит Макарий был одним из немногих иерархов, знавших, что Господь сильнее большевиков и оставшихся верными Господу и своей вере *в силу Божию*. И эта вера творила чудеса, перед которыми смирялись и не могли не смиряться слуги дьявола. 9-ти летняя борьба немощного 90-летнего старца с большевиками неизменно заканчивались победой старца и славословием Господа, точно предугадывая на опыте самого немощного телом и самого старшего годами иерарха Церкви те орудия, с помощью которых нужно было вести борьбу с сатанистами и побеждать их... Но этот великий пример

проходил как бы вне поля зрения и духовенства и мирян...

Церковь трепетала от страха, была загнана в тупик, и иерархи очутились в плену у безбожного «Временного Правительства», веляниям которого были обязаны подчиняться. По приказу этого правительства, Синод вынужден был издавать постановления, глубоко оскорблявшие честь честных сынов Церкви, оставшихся верными Царю и данной Государю Императору присяге.

Так, тотчас после того злодеяния, какое было названо «отречением Государя Императора от прародительского Престола», а на самом деле было не «отречением», т. е. актом свободного волеизъявления Монарха, а злодейской узупацией священных прав Его Величества горстью разбойников. Синод запретил поминать на Божественной Литургии священное Имя Помазанника Божия, «Благочестивейшего, Самодержавнейшего Государя Императора всея России» и предписал молиться за «Благоверное Временное Правительство». Никогда еще Церкви не подвергалась таким глумлениям и издевательствам, как в этот период владычества сатанистов и в то же время никогда еще не была так запугана, как в это страшное время... В Киеве, напр., при нашествиях изуверных банд Петлюры, нерахы, страха ради иудейска, даже братались с целовались с разбойником Петлюрой, разрешали совершать богослужение на «украинском мове», предписывали духовенству поминать на литургии всех членов «украинского правительства» поименно, говорили проповеди на ломанном малорусском языке, извиняясь перед слушателями, что не знают «украинской мовы»... казалось, что «все и вся» сгибалось перед силою и действовало под давлением этой силы, даже не человеческой, а сатанинской, и что будто бы не существовало и не существует той силы Божией, какая бы могла во мгновение ока сокрушить эту силу дьявола и укрепить веру людей, если бы только эта вера в чем либо проявилась, если бы запутанные и трепещущие люди вспомнили о ней в эти жуткие моменты ее испытания.

Обратимся теперь ко второму моменту.

